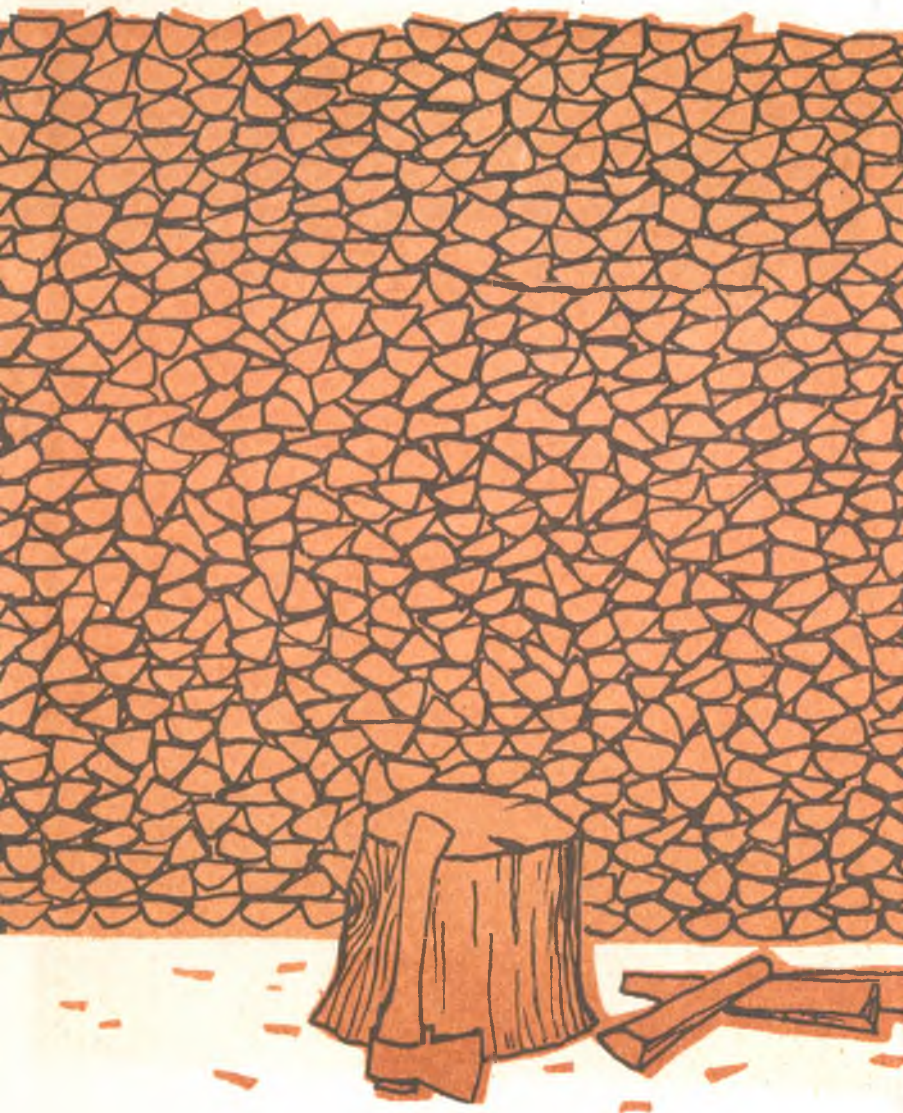

Василий Елесин

Одно-
ухий
заяц

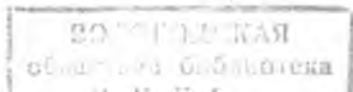

ВАСИЛИЙ ЕЛЕСИН

Одно-
ухий
заяц
повести

I 918581

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХАНГЕЛЬСК · 1980

ЛШШШ

Р2
Е50

Р2 + КР

Елесин В.

Е50 Одноухий заяц: Повести. [Для мл. школьного возраста].— Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1980.— 144 с., ил.

Первая книга вологодского писателя Василия Елесина «Пятачок на берегу» (1977) тоже вышла в Северо-Западном издательстве. Во вторую книгу вошли повести «Одноухий заяц» и «Сказочный шалаш», посвященные жизни школьников современной северной деревни, их добрым полезным делам, играм, занимательным приключениям.

Е $\frac{0762-037}{M157(03)-80}$ 5-37-80

Р2

Одноухий
заяц

ожичек, который вчера мама подарила, из рук не шел. Положит его Колька в карман, походит, походит, а рука опять в кармане — ножичек держит. Сунет его в игрушки, в свой уголок, делом займется. А через минуту — глядь: на полу сидит Колька, ножичек разглядывает. Жало у ножичка блестящее, длиннее Колькиного пальца, ручка перламутровая. Таким ножичком что хошь сделать можно. Свисток из прутика ивового. Удилище вырезать легко. А саблю? Ох и сабля будет! Получше, чем у Володьки Кузина!

Задумался Колька. Так и стоит сабля перед глазами: крепкая, звонкая, с резной рукояткой.

«Слабо?.. А что? Сделаю!»

Залез он на печь, где сохли на растопку березовые полешки. Выбрал, которое полегче, кинул на пол — только стукнуло.

А тут дверь отворилась.

— Эт-та что же за драка? — спросил дядя Ваня-почтальон.

— Не, не драка, — ответил Колька с печи, — драка еще будет, как саблю выстрожу.

— Неужто выстрогаешь? — удивился однорукий Ваня-почтальон.

— Ну! Вот ножичек-то!

— Да из тебя, однако, мастер выйдет! Ну стругай, стругай. А как мамка придет, скажи — письмо на столе.

Ушел Ваня-почтальон. Только двери затворились, соскочил Колька на пол, взял тяжелый ножик-косарь, стукнул по полену. Ловко стукнул: сразу лучина тол-

щиной в палец отщепнулась, в аккурат на саблю. Сел он посереде полу и стал строгать. Сперва клинок выстрогал, ровный, белый. Потом за ручку принялся — только щепки полетели.

А тут и мама пришла.

— Что ж ты, сынок, намусорил-то столько? Я ведь утром полы мыла...

— Саблю делаю, мам! Ты мне не мешай. Ты лучше письмо почитай, вон на столе Ваня-почтальон оставил.

— Где?! — Не раздеваясь, к столу кинулась. Схватила письмо, будто век писем не читывала.

Удивился Колька, стал на мать поглядывать. Тихо она читала, губами шевелила, а то и вслух слово-другое прорывалось.

— «Случается... Встретил... Так что, не жди... Помогать буду...»

Письмо скомкала, на стул опустилась, как подшибленная. Колька саблю на чистое место положил, тихонько к ней подошел.

— От отца, что ли?

— Ну гля-яди... — протянула мать, грозя кулаком в стену. — Ну гляди, дружок!

— Чего ты, мам?

— Ничего! Так-то матери помогаешь! Полы вымыла до работы, так запакостить надо? И после работы мой? А вицы не хочешь? Получай! Получай! Весь в отца, пакостник! Уходи и ты за ним с глаз долой!

Схватил Колька пальтишко, выскочил на крыльцо, за побитую щеку держится. И не понял ничего — очень скоро все сделалось. На улице только обидно стало. За что? Ну сказала бы, взял бы веник, подмел. А то — драться...

Задрожало, защемило в груди у Кольки от напрасной обиды. Нахмурился он, чтобы не зареветь, и вся улица тоже, как обиженная, насупилась. И солнце

еще не ушло, а лужи на мерзлой дороге больше не сверкали: тонкой ледяной корочкой затягивались. Вместе с ними весь поселок застывать стал, притих от холода, будто неживой. Один трактор вдали не притих: сперва урчал недовольно, а потом как заревет! Заревел, да и побежал по большой дороге прямо к Колькиному дому. Тащил трактор сани, на которых высокая цистерна важно с боку на бок переваливалась. Вся она тросами опутана, к саням примотана, а кажется, что вот соскочит она с саней и покатится в сторону, к реке, громяхая железными боками.

Колька к самой дороге подошел: мало ли что, может, какой трос и взаправду лопнул, больно уж здорово цистерна качается. Нет, ничего не лопнуло, все крепко. Прошумел трактор мимо, и стало видно, что сзади цистерны на санях еще место осталось — пять мужиков усядутся. Как утерпишь, если место зря пропадает? Побежал Колька за санями, ухватился за трос и на сани запрыгнул. Стали уплывать от него дома, мостик через ручей громыхнул под ногами. Еще пуще заревел трактор, в гору попер, в лес.

— В лесу-то, поди, боязно,— сказал Колька вслух.— Прыгать надо.

А прыгнешь, так поневоле домой идти. Охота ли после такой обиды? Лучше к отцу уехать. Померзнешь, да зато прямо к нему привезут. Колька ведь видел, что он по этой дороге в командировку отправлялся, еще тогда отец его до мостика в кабине подвез.

— И уеду! Покукуй тут одна-то!— погрозил он кулаком в сторону поселка и прижался спиной к черному днищу цистерны.

Пропал поселок за поворотом. Лес с обеих сторон потянулся, все ближе к дороге подступал и вроде бы на глазах рос, заслоняя края неба. Оттого, может, и стемнело совсем. И небо вверху потемнело, и деревья внизу, и не мог понять Колька, то ли тучи опустились

на землю, то ли лес вырос до самого неба. Мороз понимал: щипал уши, нос, шею, струйками под пальтишко лез, пальцы на ногах, как в тиски, зажал. Стал Колька дрожать крупно и часто.

Дорога неровной сделалась, сани на ухабах запрыгали — того и гляди, свалишься. А лес все полз по сторонам и кончатся не думал.

Страшно стало. И чем больше страх мучил, тем больше Колька ругал себя:

— Подумаешь, стукнула пару раз! Не убила, небось. А тут замерзнешь вот, как собака!

Хорошо бы сейчас на печке сидеть. Тепло... Мамка, может, конфетку бы сунула: погрызи! Нет, сердита сегодня мамка. На отца, видать, а заодно и ему пошло. Чего же на отца-то она? Сама говорила — приедет скоро, а сердится. Как там она прочитала? «Так что не жди...» И еще: «Помогать буду...» Не приедет, видно, отец. А тогда чего он-то к нему поехал, как дурак? Да найдет ли еще? Кто знает, где этот Кустанай: может, за лесом, а может, и дальше...

Дела... Дома мамка ревет: отца нету, сына нету...

«Да, брат Колька, не дело ты задумал...»

Тут сани так трянуло — ракетой вылетел Колька на дорогу! Ракетой-то ракетой, а приземлился, как лягушонок — только чмокнуло. Вскочил, сгоряча за трактором побежал, да одумался. Долго стоял, смотрел, как круг света от тракторных фар все дальше уходит.

«Хватит. Набегался. Домой надо. А мамка — что? Мамка так просто, со зла».

Притопывая онемелыми ногами, побежал Колька обратно. Темнота везде затекла, лес придвинулся ближе и страшнее. Спотыкался, падал Колька, торопливо оглядывался. Не шутка: за каждым кустом медведи да волки. Расстегнул он пальтишко, отдышался и опять побежал. Да еще ругал себя на ходу:

— Дурак я, дурак! Мамка ножичек подарила, а я... На бирже-то ей тоже, небось, не сладко. Поворочай-ка бревна, попробуй, хоть и на кране!

Тянулась и тянулась дорога в темном лесу. Выбилась из сил Колька, пошел шагом. Старался не по сторонам глядеть, а вверх: виднелся там светлый проем с маленькими колючими звездочками. Видно, пожалели они Кольку, осветили дорогу — до самого поворота обозначилась.

Шел Колька туда, где поворот.

Вдруг...

Сердце в пятки ушло. Показалась на повороте большая лохматая фигура и навстречу понеслась. Скоро, смело!

«Медведь!» — ахнул Колька.

В ночной тишине, будто гром, шаги тяжелые: бух, бух...

— Мама!!! — заорал Колька что есть мочи.

Шарахнулся в сторону, к лесу, да сразу по пояс в снег провалился.

— Сынок! Коленька!

Не понял со страху, что его мамка из снега вытаскивает, отбивался руками и ногами.

— Сынок, ты что? Ой ты, дурачок! Надо же — в экую даль заехал. Чего удумал! Да я-то без тебя — как?

Опомнился Колька. Что было силы обхватил мать за шею. И заревел — громко, радостно, первый раз за день...

ТОПОРНАЯ МАШИНА

Больно светло стало. Открылись у Кольки глаза, сверкнули, как новые пуговицы. Спать вроде еще немножко хотелось, а глаза больше не закрывались. Стояло в комнате солнце столбом, за-

светило, зажгло все углы. Сверкнул под шкафом мячиковый черный бочок — нашелся мячик не под кроватью, не за печкой — вон куда закатился.

Сел Колька на кровати, стукнул подушку пару раз кулачками — руки надо развивать, может, боксом придется заниматься. Потом на холодный пол встал, на цыпочках к столу подбежал — поглядеть, чего мама оставила. Каша картофельная с молоком в блюде, капуста в тарелке, хлеб и — ух ты! — присел даже: полная банка сгущенки, только что открытая. Палец в банку запустил, облизал и самого себя застеснялся. Мама вчера вечером говорила:

— Один ты у меня, Колюшка, остался. Хозяин в дому...

Негоже хозяину-то так делать: неумытому в сгущенку палец макать. Одеться, поди-ко, надо сперва да лицо умыть.

Штанишки Колька натянул, ноги в валенки сунул, свитер надернул — вот и одет. Воды в умывальнике нет — вытекла, видно. Зато рядом на лавке — ведро целое. Льдинки плавают... Не больно весело такой холодной водой умываться, да ладно. Погонял Колька ладошкой льдинку от края до края ведра и налил медным ковшиком воды в умывальник.

Все было: и мыло щипало глаза, и щетка зубная щетины во рту наоставляла — вытерпел Колька. Хозяину в доме хлопот много: не сгущенку только лизать. А что мамка вчера трепку дала, так и самой за трактором бежать пришлось. И ему досталось, и ей досталось — никому не обидно.

Каша чуть-чуть теплая была. Сверху — корочка жаристая. Чтобы елось интереснее, Колька хлеб новым ножичком на малюсенькие кусочки разрезал, а в каше с одного боку пещеру сделал. Сгущенку старался не замечать, а все равно она мешала, то и дело на глаза попадалась. Сам не понял, как вместо

каши в банку ложкой залез. Только попробовать хотел, а в банке уж меньше половины осталось. Пришлось отступить.

Убрал Колька со стола посуду и задумался. Хозяин-то он, конечно, хозяин, а как хозяйствовать начинать? Заложил руки за спину, вокруг печи обошел: все чисто, все прибрано. Стал вспоминать, чего отец делал, когда еще дома жил. Дрова колот да в избу носил. Воду таскал. Ремонтировал кое-чего. Зарплату зарабатывал. Зарплату Кольке, ясное дело, не дадут, мал больно, да и в школу осенью пошлют. Воду бы носить можно, только целое ведро не поднять, а к бидону колодезную цепь не привяжешь. Одно остается — дрова колоть. Мама придет, обрадуется: у печки дров — целый ворох!

А что? С топором-то и Колька, чай, сладит!

Надел он домашнюю материну фуфайку. Ниже колен оказалась, и руки в рукавах утонули. Пришлось свое пальтишко натягивать. На улице, видно, пригрело: капли с крыш большими бусинами сваливались. Поглядел Колька за окно и сел на пол около порога: калоши на валенки надевать. Пыхтел-пыхтел, весь перепотел, а одна калоша, вредная, кособочится. Махнул рукой: не слетит — и ладно.

На крыльце весеннее сверканье совсем ослепило, и тяжелая бусинка — капля с крыши сразу угодила за воротник. Взвизгнул Колька от холодной щекотки, подбежал к сараю, где дрова лежали. До завертышка еле дотянулся, дверь распахнул, встал на пороге. В сарае после улицы темно, сыро, и кто знает, что там такое за дровами спряталось, какой домовою...

— Волков бояться — в лес не ходить! — смело сказал Колька и в мозглую темноту сарайки шагнул. От его смелости даже посветлело кругом. Видно стало и поленницу дровяную из круглых чурбаков неколотых, и обрубок широкий, на который через щель солнеч-

ный луч упал. Высветил луч весь торец, исколотый в мелкую крупу. Поежился Колька. Пахло в сарае давнишним холодным бензином: остался этот запах от пилы «Дружба», которую отец сюда ставил после работы. Давно уж пилу унес, а холодным бензином все пахнет.

Хорошо «Дружкой» бревна пилить: вжик — и чурбачок. Не то что топором махать. Подошел Колька к поленнице, поднял с земли чурбачок-круглячок. Поставил на обрубок, на котором отец раньше дрова колол. Топор — вот он, у порога лежит, мать его далеко не прячет. Взял Колька топорище в обе руки, занес топор над головой. Размахнулся — бах!

Полетело полено в одну сторону, топор — в другую. Добро, что не в лоб, а то вечером опять за синяк отвечаю.

Может, полено-то на землю лучше поставить? Попробовал Колька. Тюкнул топором, а оно — экое упрямое! — опять набок свалилось. Хоть плачь. Да разве хозяину плакать положено? Этак всю жизнь проплачешь, ничего не сделаешь.

Сел Колька на обрубок, отцом иссеченный, отдохнул маленько.

Вот пилить — так «Дружку» придумали. Вж-жик — и чурка. А колоть — никто ничего не придумал. Небось, тяжелое возить — трактор есть. Железо точить — станки есть. А дрова колоть — ничего нет. Несправедливость какая!

В углу сверкнуло что-то — солнышко и через щель найдет, где сверкнуть. Пошел Колька в угол, раскидал тряпки всякие. Под ними — пожарная машина, игрушечная. Отец в прошлом году подарил, а Колька сразу изломал сдуру. Если вот эту ручку покрутить — лестница пожарная выдвигается. Горит дом, полыхает с четырех концов, а пожарные приехали, лестницу выдвинули, под самую крышу залезли, рукав с водой

сунули — ш-ш-ш-ш — зашипело да погасло, да черный дым повалил. Потушили, слезли — вжжик — лестницу назад, и поехали к себе в гараж.

Раз — лестница вверх, два — лестница вниз!

Тут Кольке такая мысль в голову стукнула, что даже жарко стало, шапку снял. Вот какую машину для дров надо! Нажал кнопку — топор вверх идет. Поставил чурку, нажал кнопку — топор со всего размаху вниз, только поленья летят. Вверх-вниз, вверх-вниз! Успевай знай чурки подставлять.

«Самому-то, поди, не сделать, — подумал Колька. — Вот дядя Миша, токарь, он может. Не зря про него говорят — золотые руки. Долго ли ему сделать топорную машину?»

Положил Колька топор на старое место, вышел на сверкающую улицу. Боязно к дяде Мише в мастерскую идти, да надо. Хозяин ведь. С топорной машиной станет мама жить без заботушки. Дяде Мише он все толком расскажет, не торопясь. Посидят вместе, подумают. Два мужика с одной машиной всяко сладят.

С МАЛЫХ ЛЕТ

дна беда: мастерские, в которых дядя Миша токарем работает, аж на другом краю поселка, за железной дорогой. Ходить в тот конец Кольке строго-настрого заказано: неровен час под поезд попадет. Мама сказала:

— Сунешься под поезд, так и домой не ходи, и есть не дам!

Под поезд попадешь — не до еды будет, мокрое место останется. Только он дурной, что ли? Сперва на переезде постоит, посмотрит в ту да в другую сторону. Ежели поезда нигде не видно, перебежит через линию да и все.

Поезд — ладно. К железной дороге мимо магазина надо идти, а рядом с магазином живет Кузин Володька — хулиган. Это похуже поезда. Попадись Володьке в руки, так наподдает — почешешься. Если бы Вальку Бобрикова сманить — тогда и Володька не страшен. На двоих, небось, не полезет, забоится.

Постоял Колька у большой лужи, пробил ногой ледяной грязный закраек. Поллюбовался, как ручеек потянулся из лужи — веселый, светлый. Сдвинул шапку на лоб и зашагал к Валькиному дому. На крыльцо поднялся, а на дверях — замок. Видно, Вальку в садик отправили. Ничего, один сходит. Может, Володьки тоже дома нету.

Мимо больших зеленых сосен направился Колька прямо к магазину и видит: двери магазина открылись, какой-то дяденька с сумкой показался. На Кольку поглядел без интереса да напрямик к железнодорожному переезду подался. Колька за ним вприпрыжку. Пусть Володька думает, что не один он идет, а с дяденькой. Только, наверно, Володьки и вправду дома не было, потому что никто из его дома не вышел.

Дорога в гору поднималась, на железнодорожную насыпь. Колька от дяденьки все не отставал: вдвоем через линию переходить не так страшно. Вдруг откуда ни возьмись — поезд! Дяденька бегом через рельсы перескочил, а Колька отстал, потому что ему стрелочница флажком погрозила.

Задрожала земля, со свистом, с ветром пронесся тепловоз, замелькали платформы с лесом. Все как один бревнами нагруженные с горушкой. Чтобы бревна, которые сверху, не раскатились, с обеих боков платформы стойки поставлены и толстой проволокой друг с дружкой связаны. Один за другим мелькают вагоны. Поезд за поездом мчится через поселок каждый день, и все до одного бревна везут. Свежие совсем бревна. Недавно где-нибудь в лесу стояли сосны да ели.

Потом пришли лесорубы с пилой «Дружба», спилили их под самый корешок. Обрубили сучья, погрузили на здоровенные машины МАЗы, у которых одно колесо выше Кольки, и привезли на станцию, на биржу, ее еще нижним складом зовут. Там, где дерево рубят, верхний склад, а на станции — всегда нижний, хоть бы станция даже на горе стояла, все равно нижний — так уж придумано. На станции длинные сосны да елки пилят на бревна и на платформы кранами грузят. Когда мимо пройдет поезд, можно сосчитать издали, сколько платформ мама своим краном нагрестила. Да нет, не стоит: еще мама заметит, как он в неполюженном месте шляется.

Куда, интересно, поезд пошел? Узнать бы! Может, в Кустанай, а может, в саму Москву! Там тоже дерево надо: стулья делать, шкафы, диваны разные. Народу много — мебель требуется. А в новых домах? Окна из дерева, полы из дерева, двери — тоже из дерева. Немало надо лесу...

Пока Колька гадал, куда поезд идет, последняя платформа мимо простучала, и стало видно, что далеко ушел тепловоз, а весь состав дугой за ним изогнулся на повороте. Стрелочница флажок за пояс сунула, в будку ушла, а Колька — бегом через переезд.

Теперь до мастерской рукой подать — вон машины стоят. В стороне человек присел в маске и яркий-преяркий огонь в руках держит. Такой яркий, что, если рядом встать и смотреть, — глазам больно. Конечно, это только издали кажется, будто он огонь в руках держит. На самом деле — обыкновенный электрод. И человека Колька знает: дядя Леша, электросварщик. Высокий он и белозубый, глаза все прищуривает, будто на огонь смотрит. Это у него от работы привычка такая. Другие дяденьки в мастерской тоже Кольке знакомы, все — папкины приятели. Отец раньше его много раз в мастерскую брал. Все шутил: «Сын у ме-

ня механиком будет!» «Механиком будет», а сам, небось, уехал. Нечего и обещать было, раз так...

В мастерскую словно целый рой пчел напустили. Ж-ж-ж-ж-ж — гудят станки. На полу — стружка железная, разноцветная. Интересно такой стружкой играть, только не велят, чтобы не порезался. Ладно, не до стружки сейчас. Вон дядя Миша чего-то на станке точит. Очки на глаза надвинул, над станком наклонился — занят сильно. Подошел Колька неслышно, встал рядом. Оглянулся дядя Миша, рукой махнул: отойди, мол, подальше, закончу — поговорим!

Стал Колька по мастерской бродить. У верстаков, где слесари работали, узнал Степана Алексеевича — отца Кузина Володьки. Хотел было от него потихоньку скрыться да не успел.

— Здорово, земляк! — сказал Степан Алексеевич и протянул большую черную руку, всю в мазуте.

— Здорово! — ответил Колька и подал ему свою маленькую ладошку.

— По делам пришел, механик?

— По делам... — потупился Колька.

— Раз так, пойдем покурим.

Вытер Степан Алексеевич руки промасленной тряпкой, к бочке с песком направился, около которой скамейка была поставлена. Сел и рукой рядом хлопнул — пригласил. Колька еле-еле на высокую скамейку забрался. Достал Степан Алексеевич пачку папирос, сам закурил и Кольке папиросу дал.

— Не курю я, — покраснел Колька.

— Как это — «не курю»? Эдак никакого разговора у нас не выйдет. В мастерской все курят. Такие, брат, дела. Прикуривай! А спросят, давно ли куришь, отвечай: «С малых лет».

Поднес Степан Алексеевич спичку, глотнул Колька дыма и закашлялся. А тут и дядя Миша подошел с незнакомым дяденькой.

— Колька!— удивился он.— Ты давно ли куришь-то?

— С малых лет!— важно ответил Колька.

Степан Алексеевич чуть со скамейки не свалился. Незнакомый дядька захохотал так, что станков не стало слышно. А дядя Миша головой покачал, папиросу у Кольки взял и в бочку с песком кинул.

— Дожил ты, Степан, до седых волос, а ума не нажил,— сердито сказал он.— За что над мальцом смеешься? Думаешь, заступиться некому?

— Во, нашелся! Заступник!

— Ладно, я с тобой после поговорю. Пошли, Колюшка, на солнышко.

На улице груды железных полос лежала. На нее и сели.

— С чем пожаловал?

— Машину хочу сделать, дядя Миша.

— Что за машину?

— Топорную.

— Интересно...— удивился дядя Миша.— Топорную, значит. А для чего такая машина понадобилась?

— Так дрова же колоть. Кнопку нажмешь — топор вверх идет. Полено подставишь, кнопку нажмешь — топор ка-ак тюкнет! Только подставляй.

— Да ты и верно — механик! Топорная машина... Ишь, чего придумал!

Дядя Миша сперва рассмеялся, а потом притих, помолчал.

— Ладно. Сразу я тебе такую машину не сделаю. Вот ежели к будущей зиме? Летом все равно топить не надо, верно?

— Да хоть бы к зиме... Все бы маме облегченье.

— Это ты правильно говоришь. Весь вопрос — как ее сделать? Обмозговать надо. План нарисовать. Сейчас-то мне недосуг, а вот я к тебе в воскресенье приду с Любкой. Лады?

— Лады.

— Вот и добро. А теперь, значит, ты домой топай, а я железо точить пойду. Давай!

Колька вразвалку к поезду направился, а дядя Миша долго еще у дверей мастерской стоял и чему-то весело улыбался.

РАЗБИТАЯ МЕЛЬНИЦА

М

аме про Колькино путешествие сказали все-таки. Ругалась. И хоть бы по делу ругалась, а то так:

— Зачем ходил? Кто тебе позволил?

Ясно, что никто не позволял, чего и спрашивать. Одно слово — женщина. Какой с ней мужской разговор может быть? Колька, само собой, промолчал, подумал только: «Погоди, вот придет в воскресенье дядя Миша, нарисуем с ним топорную машину, тогда и ахнешь!»

И стал ждать воскресенья.

А солнышко тем временем все жарче накалялось. Из дома в валенках с калошами лучше не суйся — ручьи у самого крыльца чуть не по колено. Валька Бобриков в резиновых сапогах к ним приходил, и то за голенища воды начерпал. Хотел было ему Колька про топорную машину рассказать, да что-то передумал. Пусть не хвастается своими резиновыми сапогами. Хвастается, а сам за голенища начерпал, разиня. Кольке мать с полочки тоже такие сапоги купит. А может, и не такие, может, с длинными голенищами, чтобы в любой воде бродить можно было.

День прошел, два прошло. Послезавтра воскресенье. И хочется, чтобы побыстрее оно наступило, и боязно стало. Конечно, дядю Мишу Колька хорошо знал — свой человек. Да ведь он сказал, что с Люб-

кой придет. А с девчонками только свяжись, особенно с Любкой этой... Колька когда еще в садике был, ее запомнил. Выхватил тогда из рук у нее мячик, а она как вцепится ему в лицо своими когтями — все щеки ободрала. Времени, конечно, много утекло, наверно, поумнела с той поры, а все-таки лучше бы дядя Миша один появился. Хотя одному ему нельзя: на неделе-то Любка в садике, а в воскресенье с кем оставишь? Матери у них нет, одни живут. Ладно, пусть приходит и Любка. Не будет Колька старые обиды вспоминать.

Мама совсем невеселая стала. Чуть не каждый день плачет. Один раз даже ночью плакала. Правда, тогда Колька сам был виноват. Приснился ему сон, будто они с Володькой Кузиным поспорили, а потом подрались. И будто Володька у него топорную машину изломал, которую они с дядей Мишей вдвоем сделали. Изломал да еще и хохочет. Рассердился Колька — дальше некуда! Размахнулся и трах Володьку «боксом» прямо под дых. И сам заплакал от обиды: конечно, Володьке-то попало, а топорную машину все равно не вернешь — лежит вся поломанная. Тут и проснулся Колька оттого, что его мама за плечо шатает и ругается. Он-то думал, Володьку кулаком двинул, а оказалось — маму, которая рядом на кровати спала. Стыдно стало Кольке за свой сон, отвернулся и засопел. Только все равно слышно было, как мама плачет. Видно, больно попало. Повернулся Колька, обхватил ее руками за шею и в щеку носом ткнулся, а щека вся соленая и от слез мокрая. Подумал он тогда, что больше драться не будет, хоть бы и во сне, а потом заснул сразу, потому что мама его рукой обняла, а рука у нее крепкая и горячая...

Наступило наконец воскресенье. Колька этот день всегда любил, особенно раньше, при отце. Проснется, бывало: все дома, отец с мамой за столом сидят, чай

пьют с пирогами. Колька на кровати глаза протрет, захнычет понарошке:

— Опять не разбудили чай пить...

— А жалко было!— хохочет отец.— Ты, как генерал, спал и руками размахивал. Воюешь, думаю, во сне, а я тебя на самом интересном месте разбуджу.

— Не, я не воевал, я через реку в лес летал,— говорит Колька, и всем еще веселее делается.

Сегодня он сам проснулся. Оделся, а мама вместо того, чтобы похвалить, глаза фартуком вытерла и пошутила невесело:

— Что хозяин-то мой рано поднялся?

— Так у меня, мам, дела есть,— ответил Колька, но про дядю Мишу рассказывать не стал. Мало ли: нахвастаешь, а он и не придет совсем. И про Любку придется сказать, а это уж вовсе неохота.

Вдвоем попили чаю. Потом мама свою старую фуфайку надела и пошла дрова колоть. Кольке из окна все видно: и как она завертышек на дверях сарая отвернула, и как двери нараспашку открыла, чтобы солнышко в сарай заглядывало. Смотрел Колька, как мать поленья на широкий, иссеченный отцом обрубок ставила и колола их со всего маху. Была у мамы сила, но все не как у отца получалось, не так ловко. Обидно стало Кольке, когда один суковатый кряж не разлетелся на две половинки, а просто упал с обрубка. Сразу вспомнил, что и у него такое непослушное полено было. Ударил тогда Колька кулаком по подоконнику и сказал негромко:

— Ничего! Вот сделаем с дядей Мишей топорную машину — не будете прыгать. Как миленькие расколется!

А дяди Миши все не видно и не видно: и одного, и с Любкой.

Вот уже мама поленицу дров на целую неделю наготовила, домой пришла, пол подмела и швейную

машину на стол выставила. Самое нелюбимое дело для Кольки, когда она швейную машину достает. Начнет теперь шить, да строчить, да песню петь про рябину. Ему тогда ни поговорить нельзя, ни покапризничать. Можно бы, конечно, на улицу убежать, пускай и в валенках с калошами, но вдруг в это самое время дядя Миша придет? Заглянет в дом, а Кольки и нету и неизвестно, когда будет... Прощай тогда, топорная машина! Нет, лучше подождать, посидеть.

Слушал он, слушал, как швейная машинка строчит, как мама песню поет, и сам подпевать стал. Песню он давно выучил, потому что была она у мамы любимая. И запели они вдвоем:

Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться,
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться...

Нет, не обманул дядя Миша. Только песню один раз допели, показались в конце улицы два человека. Один большой, в плаще и сапогах резиновых, а рядом — маленький человечек в красном беретике, ни дать ни взять гриб боровик, что в березняке за речкой Ершовкой растет. Лиц у людей отсюда не разглядеть, но Колька понял: они. На дороге им большая лужа попалась. Дядя Миша дочку на руки подхватил, и увидел Колька большой газетный сверток в руках у Любки. Сразу подумал он тревожно, что не к нему правится дядя Миша, раз со свертком. Может, в баню пошли?

— Ты чего елозишь у окошка, как вертихвостик? — спросила мама. — Побегать, что ли, охота? Беда, сапожонок-то нет в магазине на твою ногу. Вот в район уже закажу.

— Нет, мам, — ответил Колька. — Не побегать.

А потому я верчусь, что дядя Миша с Любкой, может, к нам в гости идут, а может, и не к нам.

— С чего это к нам-то?— удивилась мама.— И раньше не часто заходили.

«Раньше» — это при отце, — понял Колька. Так ведь то — раньше. А теперь дядя Миша к нему в гости идет, к новому хозяину. И не просто в гости — по делу.

И верно: не прошли гости мимо. Вон уже дядя Миша у крыльца ноги вытирает. А Любка с рук так и не слезла — вишь, барыня какая нашлась.

Постучали в дверь. Колька от окна отскочил. Мама волосы пригладила, крикнула:

— Заходите!

— Много ли вас, не надо ли нас?— пошутил дядя Миша, дверь за собой прикрыл плотно.— Гуляли вот с дочкой да и надумали хозяина проведать.

— Проходите, пожалуйста, раздевайтесь!

— Может, не вовремя мы? Тут Колюшка насчет машины со мной потолковать хотел. Ну, пока суд да дело, одну машину я смастерил. На.

И сверток газетный Кольке сунул.

Взял его Колька и держит, не знает, чего делать.

— Дай-ка!— подскочила Любка. Мигом газету развернула и оказалась у нее в руках...

Между двумя полочками колесо деревянное стояло, а к нему сбоку маленькие жернова приделаны. Сразу догадался Колька, что это мельница водяная. Поставишь ее в ручей, закрутится колесо, начнут молоть жернова, как настоящие!

Пока Колька мельницу разглядывал, ничего не слышал, о чем в избе говорили. Потом Любка заныла:

— Гулять хочу...

— Ну идите побегайте, — сказал дядя Миша.— Спробуйте, какво мельница работает.

Колька пальтишко мигом надернул, шапку натянул, бежать было собрался, да раздумался.

— А ты не уйдешь, дядя Миша?

— Не уйду, не уйду! Любу у вас ведь не оставлю.

— Айда! — скомандовал Колька.

Ручей долго искать не пришлось: сколько хочешь их от большой дороги бежало. Сперва самый маленький выбрали. Маленький, да удаленький — быстрина будь здоров!

— Сейчас она у нас завертится! — сказал Колька и поставил мельницу на самое быстрое место. — Чур, я мельником буду!

— Нет, чур я! — заспорила Любка.

— Ладно, сперва ты, а потом я, — ответил Колька, потому что спорить ему ни капельки не хотелось.

Как рассердился ручей! Что, думает, ему тут за такую запруду поставили! Ударил по колесу, а тому только того и надо: закрутилась, завертелась, пошла молоть мельница!

— Чего глядишь! — прикрикнул Колька на Любку. — Ты мельник, так и сыпь зерно в жернова!

— Где я возьму!

— Вон, песок на завалинке, сухой совсем.

— Сам иди!

Такая вредина эта Любка уродилась. Сунулся Колька за песком и, конечно, в лужу всем валенком залез — сразу ноге сыро стало. Махнул рукой: не до сырости, зерно молоть надо, пока вода не кончилась. Потом Любка зерна принесла. Мельница от песка совсем крутиться перестала, и пошли они новый ручей искать, побольше который.

Видно, надоело дяде Мише ждать Кольку. Вышел он на улицу. Любку на руки взял, сказал сердито:

— Извозилась вся, как чертенюк! Домой пора.

— Дядя Миша... — остолебенел Колька.

— Ты тоже, Колюшка, домой ступай. Вишь, вымок. А машину нам, брат, видно пока не сделать. Мотор к ней надо хороший, а взять негде...

Грустно так сказал дядя Миша. Так грустно, что Кольке сразу играть расхотелось. Сырость везде появилась: и в валенках, и в рукавах, и на коленках. Посмотрел он вслед дяде Мише, зажал мельницу под мышкой, домой побрел.

А дома еще не легче. Мама на сырость его и не поглядела. Выхватила мельницу и на крыльцо шваркнула, так что колесо отвалилось.

— Чтобы больше ко мне таких гостей не приглашал! — крикнула она. — Нечего им у нас делать. Пусть по другой улице ходят, без них обойдемся!

И так она раскипятилась, что Колька перечить не стал. Разделся, на печку залез и заплакал там тихими слезами. Жалко было мельницу.

ГОРЯЧКА

Не заметил, как уснул на печи. Помнил только сквозь сон, что будила мать, обедать заставляла, потом отступилась. Проснулся он сам, от жары. На печке было жарче, чем в бане, зубы ныли, а в горле — словно шершавый напильник: так и дерет. Кашлянул тихонько: в груди будто бомба разорвалась, кольнула осколками-иголками во все бока. Захныкал Колька, заплакал тонким голосом.

— Батюшки, никак заболел! — всполошилась мама. Лоб потрогала:

— Горишь весь! Давай градусник поставим.

— Жарко! — простонал Колька. — Не надо градусник, жарко мне...

— Иди-иди, мой маленький, иди на кровать уложу, сушеной малинки заварю, попьешь — все и пройдет.

— Жарко мне, мам, — всхлипнул Колька и протянул к ней руки. Только на кровать прилег — снова

кашлянул. Потом еще, еще... И каждый раз в груди иголки рассыпались во все стороны, кололись больно.

Градусник мама все-таки поставила. Кольке даже приятно стало от холодной стеклянной трубочки, будто она часть жара у него забрала. Сразу говорить захотелось.

— Мам, ты достань мельницу-то. Я почию...— хрипло проговорил он.

— Достану, родной, достану! Ой, милые! Тридцать девять!

Увидел Колька, что слезы у мамы по щекам покапались, жалко ее стало.

— Подумаешь, тридцать девять!— засипел он.— Вот если бы сорок два...

— Может, поешь?

— Не хочу...

— Выпей малинки да полежи, а я к фельдшеру сбегаю.

Испугался Колька.

— Не надо! Укол станут делать!

— Не станут, не станут. Порошков тетя Зина выписет, микстурки. Ты полежи тихонько, Колюшка, милый, сосни. Я — скоро-скоренько!

Колька повернул голову к стене.

Скрипнула дверь, прогремело крыльцо под быстрыми шагами. А потом все перепуталось в Колькиной голове. Хорошо знает он, что дома на кровати лежит, только вроде не дома и не на кровати. Кружится разное перед глазами. Только что вечер был, и вдруг — день, ядреный, солнечный. И Колька, совсем здоровый, идет через переезд в дяди Мишины мастерские. На переезд зашел, рельс перешагнул, еще подумал, что совсем рельсы грязные стали, хоть бы почистил кто-нибудь. Откуда ни возьмись — летит к переезду поезд прямо на Кольку. Быстро несется тепловоз, на глазах растет, гудит страшно. Еще хватает времени

убежать, прыгнуть хоть в ту, хоть в другую сторону! Рванулся Колька, а ноги не движутся, как ватные, подкосились, и сел он между рельсами, а поезд уж совсем рядом грохочет и жаром пышет. «Конец!» — в ужасе подумал Колька, скорчившись, но вдруг пропал поезд, будто его и не было вовсе... Тихо в доме. Черная рама сбоку, а за ней клочок бледного ночного неба. Часы тикают громко: тук-тук — кто тут...

Кашлянул Колька невзначай — больно стало везде. И закружилась перед глазами... муха не муха, пчела не пчела, маленькое что-то, мохнатое и жужжит. Закрыв глаза Колька, а оно еще больше вертится и жужжит, и никак разглядеть нельзя, что такое. Прищурился Колька, — оно совсем крошечным сделалось, исчезло. «Прогнал!» — обрадовался, но оказалось, что не прогнал — оно просто притаилось. И верно: минуты не прошло, а оно тут как тут: мелькает, растет, разбухает... Прямо к глазам, к носу, ко рту прилипло — большое, мягкое, мохнатое. Дышать не дает и увидеть его никак нельзя, потому что большое. Открыл глаза Колька, приподнялся, и оно опять испугалось, съежилось в точку, и опять не успел разглядеть он, что это было такое. Закрыв глаза — снова расти стало, свет заслонять. Не страшное оно было, только вредное очень, и совсем Колька устал, пока разглядывал, даже глаза заломило, а с висков на подушку покатались крупные капли пота. А оно — муха не муха, клубок не клубок — все кружится, все мельтешит перед глазами. Потом что-то кольнуло холодно под лопатку, и пропала «муха», сгинула...

Мать на кровати в ногах у Кольки сидела. Свет в комнате горел, и тетя Зина в белом халате что-то блестящее в чемоданчик складывала.

«Это мне укол сделали, — догадался Колька и заплакал от обиды. — А говорила микстуры, порошки...»

Снова поплыло все перед глазами, снова прилетела

точка-муха. Колька от нее рукой стал отмахиваться и кричать:

— Прогони! Мам, прогони муху!

А сам почему-то знал, что зря кричит и что никакой мухи мать не видит, потому что прилетела эта муха к нему только, к нему одному из какой-то больной стороны. Совсем обессилел Колька от настырной мухи, которая то меньше точки делалась, то — сразу — больше подушки.

«Пропадаю, видно», — подумал он, как вдруг откуда-то, с печки, что ли, бросился на кровать рыжий котенок и ловко цапнул муху зубами — была, да нет! А котенок беленькой лапкой утерся, зеленым глазом Кольке подмигнул и сквозь усы улыбнулся — точь-в-точь, как дядя Миша.

— Откуда ты взялся? — спросил Колька. — У нас отродясь кошек не было.

— Тебя спасти пришел, — важно ответил кот. — Ты не против?

— Не против, — засмеялся Колька. И странно, и весело показалось ему, что вот говорит он с неизвестным котенком, не открывая рта, а котенок по-русски толково ему отвечает.

— Ты теперь со мной будешь жить? — опять спросил Колька.

— А как ты сам захочешь, — ответил котенок, зевая. — Может, с тобой, а может, и не с тобой.

— Лучше со мной живи. Мало ли какая муха еще прилетит. А как тебя звать?

— Барсик, — фыркнул котенок, потом вытянул передние лапки с белыми кулачками, спину дугой выгнул и на Кольку одним глазом глянул:

— Ну, спать, что ли?

— Ага! — счастливо ответил мальчик.

Наутро у него голова кружилась, но жара не стало и боль в груди ослабла, хоть и дышалось тяжело.

Стукнуло на кухне — значит, мама на работу ушла. Повеселел Колька, хотел погладить вчерашнего рыжего котенка, который вроде бы мурлыкал рядом всю ночь,— не нашел его на кровати.

— Барсик,— слабым шепотом позвал Колька.— Барсик, ты где?

— Что, Коленька, что, роднулька?— высунулась мать из-за печки.

— Барсик где?

— Какой Барсик? Приснилось тебе, видно, чего-то?

Заревел Колька в голос, даже хрип сразу прошел.

— Не плачь, маленький, не плачь, кровинушка моя! Я утром к дяде Мише сбегала, починил он твою мельницу, еще лучше стала.

— Не надо мельницу!— рыдал Колька.— Котенка отдай! Рыжего! Барсика! Он муху съел! Со мной разговаривал!

— Ой, батюшки, опять бредит,— всполошилась мама.— Вот горе-то мне, вот беда-то!

— Ничего я не бредю! Сама бредишь! Куда Барсика девала?!

— Найду, найду я твоего Барсика, сынуля! Какой, говоришь? Рыжий и лапки белые? Котёнок? Найду, не плачь только...

БАРСИК

оказался он точь-в-точь таким, как приснилось. Ну разве не было у него коротенького и пушистого рыжего меха? Разве не было белых лапок и черного влажного носика пуговкой? А глаза — шальные, как у озорника, именно те, что приснились Кольке.

— Барсик!— спросил Колька, когда мама котенка к нему на кровать положила.— Барсик, ведь это ты мне снился? Ты ведь?

— Сперва приснился, а потом сам пришел,— замурлыкал Барсик, сворачиваясь клубочком в ногах у Кольки.

— Вишь, хитрый какой! Нет, давай иди под одеяло, нечего притворяться.

— И охота тебе,— недовольно мяукнул Барсик.— Болеешь, так и болей. Таскает, тоже... Хоть бы играть мог, а то пластом лежит...

— Эх ты, Барс-Барсюха! Ничего ты не понимаешь!— засмеялся Колька и прижал котенка к груди, потому что весь разговор шел у них не вслух, а просто Кольке думалось так.

— Понимаю — не понимаю, а спи!— мурлыкнул Барсик и затих: то ли вправду заснул, то ли притворился, хитруля.

Что тут станешь делать? Пришлось тоже заснуть...

— Барсика нету!— первое, что закричал Колька, когда проснулся.— Мама, Барсик пропал!

Не было Барсика. Ни на одеяле, ни под одеялом. Ни на кровати, ни под кроватью. Закипели горячие слезы на ресницах, а тут мама из-за печки сказала веселым голосом:

— Куда денется твой Барсик! Вон, молоко лакает — только вьет!

Спрыгнул Колька с постели, будто и не болел никогда. Сунулся за печку — верно: трудится котенок над блюдечком с молоком, только шершавый язычишко мелькает, как напильник у хорошего слесаря. Присел Колька на корточки около Барсика, смотрит. А мама заметила такую картину и раскричалась:

— Ну-ка, марш в постель! Что я тебя, полгода лечить буду? Нисколько не понимает, хоть кол на голове теши! Кому говорят! Марш в постель, пока ремень не взяла!

Пришлось ложиться. А картина была — лучше чем в кино.

«Ладно», — подумал Колька. — «Вот поест Барсик, все равно к себе позову».

Барсик будто понял: одним махом на кровать запрыгнул, свернулся рыжим колобком и захрапел, замурлыкал, лежебока. Колька пальцами ноги пошевелил под одеялом прямо у маленькой усатой мордочки. Барсик голову поднял и лапой как даст по ноге! Не больно нисколько, смешно только. Всей ногой тогда пошевелил Колька под одеялом. Как вскочит Барсик, как рыжую спину выгнет, голову на лапы положил, глаза хитрые. Совсем тигр, только маленький.

Долго пролежал Колька бледный и слабый, но веселый: с Барсиком разве соскучишься, если тот все время играет, шевельнуться не дает?..

Мама несколько дней с Колькой дома посидела, а потом на работу пошла, потому что он поправляться стал, да и деньги зарабатывать надо на жизнь.

Ушла мама, зато такую забаву придумала! Сам бы он не догадался к нитке кусочек бумажки привязать, а мама догадалась. Он еще удивился, когда без нее проснулся: на кровати зачем-то нитка с перевязанной бумажкой лежит. Повертел он ее, повертел, потом на пол опустил, стал бумажку на нитке раскачивать, как маятник у часов, что на стенке висят. Понравилось: маятник у часов вон какой коротенький, а нитка длинная, и бумажка качается важно. Пока в одну сторону идет, маятник два раза протиктакает. Подумал Колька, что неплохо бы к нитке стрелки приделать, чтобы время показывали, и тут — трах! бах! — испортились «часы». Барсик, сидевший за печкой, выскочил да так схватил бумажку, что только клочья полетели. Наверное, подумал, что мышь около кровати бегаёт и шуршит.

Совсем маленький клочок бумажки на нитке остался. Встал Колька с кровати и давай по комнате босой бегать, а за ним — нитка, а за ниткой — бумажка,

а за бумажкой — Барсик. То догонит котенок и цапнет бумажку, то за ножку стола спрячется, будто в засаде сидит, а потом как прыгнет!.. Такой тарарам поднялся, только стулья громыхают да опрокидываются.

Колька бегал, бегал, хохотал, хохотал, пока ноги от холодного пола совсем не заоченели. Подхватил он тогда Барсика и полез с ним на печку греться.

Грейся — не грейся, а есть хочется. Пришлось обуваться, одеваться, за стол садиться. Половину всего, что оставлено было, съели с Барсиком, и показалось Кольке, будто он потерял что-то. А что можно потерять в комнате? Сабля недоструганная на печке валяется, сам видел. Барсик — тут. Книжки, которые мама к школе купила, в шкафу лежат и самая главная, букварь, сверху. Правда, кровать не заправлена, так еще успеется.

— Что же мы с тобой забыли, Барсик? — спросил у котенка.

Тот розовым язычком облизнулся, посреди комнаты сел и белой лапочкой по мордочке провел, словно умылся.

— Все-то ты знаешь! — обрадовался Колька. — Вон чего забыли: умыться! «Водой холодной умывайся, если хочешь быть здоров!»

Барсик взглянул на него искоса зеленым глазом, за печку направился, будто и дело не его. Колька — следом. Барсик — бежать. Прошмыгнул меж ногами под стол. Только руку протянул Колька, а котенок прыг-скок, хвост трубой — и под кровать. Взял тогда Колька нитку с разорванным клочком бумажки и к себе потянул тихонько. Барсик сразу за бумажкой выскочил, прямо в руки.

— Попался, который кусался! Попался, грязнуля! «Водой холодной умывайся...»

Притащил он котенка к умывальнику, одной рукой к себе прижал, другой взял мыло, намочил и по мордочке Барсиковой провел. Как фыркнет котенок, как изогнется,— откуда и сила взялась! Все когти выпустил и так царапнул Кольку по голой руке, что он и мыло выронил, и Барсика. А котенок под кровать что было духу удрал и сидит там в темноте, злится.

— Не стыдно тебе? — сказал Колька дрожащим голосом.— Всю руку до крови ободрал, бессовестный! Погоди, будет тебе немало! Попадет!

За мылом нагнулся, а на пол капля крови капнула. Вот и делай добро после этого!

Смыл Колька кровь, а царапины все равно остались — сразу четыре, длинные и красные. Плеснул в лицо пригоршню холодной воды, утерся полотенцем и стал гадать, как Барсика умывать. Конечно, мыло никто не любит. Колька и сам в бане орет да лягается, когда мама ему голову намыливает. А Барсик совсем маленький, все равно что ясельный. Такого долго приучать надо, а не сразу мылом по морде,— любой царапаться станет.

— Эх ты, глупое место! — сказал Колька под кровать Барсику.— Сам своей пользы не понимаешь. Придется тебя в школу отдать. Плохо, что нет у нас кошачьей школы.

Сел Колька завтрак доедать, а Барсик — вот хитруля! — из-под кровати к порогу пробрался, на хозяина ноль внимания, умывается сухой лапой.

— Ага, мириться пришел! — догадался Колька и бросил ему кусочек мяса. Барсик мясо съел, на кровать прыгнул, свернулся рыжим клубочком — и сразу скучно стало. До обеда времени много. На улице — серый дождь, и хотя зеленеет кое-где первая травка, все равно мокро и зябко.

Скорее бы лето! Кажется, сто лет его не было. И вспомнил Колька, как прошлым летом брал отец

его с собой на рыбалку. Посадил на высокую травяную горюшку у реки, а сам к воде подошел и стал коротенькой удочкой размахивать — спиннинг называется. Махнет, и далеко-далеко, у самых кустов на том берегу булькнет белая железная рыбка. Хорошо было тогда с отцом! Может, летом он и придет...

— Приезжай, папка, в гости, — шепчет Колька дрожащими губами и не замечает, как бежит по его щеке большая слезища.

Лето пройдет, а там и в школу. И Любка дяди Мишина пойдет, и Валька Бобриков. Учительницу Колька маленько знает, зовут ее Зоя Алексеевна. Как посмотрит из-под очков — душа в пятки уходит. Строгая. Возьмет и поставит двойку, если плохо учиться станешь.

Убрал Колька посуду со стола и достал из шкафа самую главную книгу под названием «Букварь». В книге на каждой странице — разноцветные картинки, а буквы большие, строгие. Кое-какие он давно знает. Вот эту — «А». Или вот эту — «К». Мама сказала, что с «К» буквы его имя начинается. И правда: К-олька. Не скажешь: М-олька или Н-олька.

Трудная книга «Букварь». А все-таки он хоть некоторые буквы знает. Барсик вон и вовсе неграмотный.

— Барсик! Вставай, лежебока, учиться будем!

Вместе с «Букварем» залез Колька на кровать. Барсик на спину перевернулся, вытянул передние и задние лапы — играть приготовился.

— Ну читай! — показал ему Колька. — Это буква «А». Скажи: «А-а-а».

Стал страницу перевертывать, а Барсик — цап ее лапой и когтем своим острым до середины разорвал.

— Хулиган! — заругался Колька. — Лодырь! Только бы книги рвать! Не будет тебе пятерки! Становись в угол!

Взял Барсика и посадил в угол между стеной и кроватью. Котенок в углу сидеть не стал, прыгнул с кровати и был таков. Удрал из класса самовольно.

ТРЕЛЕВОЧНЫЕ ДРОВА

Поправился Колька, и покатилась жизнь колесом. А началось все с того, что сидел он вечером у окошка и шил из тряпки ножны для сабли. Нитку длинную в иголку вдернул, свернул тряпку вдвое и стал края сшивать. Дело и так тихо двигалось, а Барсик того больше мешал: то за нитку лапой уцепится, то конец тряпки зубами схватит и давай тянуть...

Дошил кое-как Колька ножны до конца, сунул саблю, а обратно вытащить не может — тряпка за каждую задоринку цепляется.

Как быть?

Думал, думал и придумал. Если не очень твердую проволоку найти, вдвое согнуть и внутрь тряпки сунуть — сабля легко выниматься станет, как настоящая. Обул он ботинки, хотел на улицу выйти проволоку поискать, но открылась дверь, и вошла мама с большим свертком.

— Ты куда собрался?

— Мне, мам, проволоку надо искать...

— Подожди, сапоги мерять будем.

Развернула она газету и поставила перед Колькой черные резиновые сапожки. Ярko сверкал лак на их голенищах, и пахли они чудно, магазином, что ли?

— Ну что стоишь? — засмеялась мать. — Обувай!

Ботинки в один миг скинул, сунул ногу в сапог. Великоват он оказался, но чуть-чуть, самую малость.

— С носками как раз будут, — сказала мама. Она порылась в шкафу и достала теплые шерстяные носки.

— И сразу побегать можно? — недоверчиво спросил Колька.

— Можно, можно. Недолго только.

Схватил Колька в сенях мельницу, побежал ручей искать. А ручьев как и не было — высохли, пока он болел. Одни лужи на дорогах блестят. В лужу мельницу не поставишь — хоть до завтра стой, не закрутится. Вспомнил Колька, что под мостом ручей не пересыхает и летом по камушкам журчит. И пошел он на край деревни к мостику, через который тогда на тракторе ехал, на санях. Но и тут с мельницей ничего не вышло: разлился ручей, глубоким стал. Сунь туда мельницу — мигом унесет ее в речку Ершовку. Зато у самого берега по воде в сапогах бродить можно. Вода светлая, и сапоги светлые. Обжимает вода голенища, идешь, как в тесном чулке.

Брел, брел Колька по ручью и увидел в воде алюминиевую белую проволоку, как раз для ножен. Только она не у самого берега лежала, а подальше — за большой валун-камень зацепилась. Всего два шага шагнуть — и бери. Подумал, подумал — шагнул. Вода почти вровень с голенищами поднялась. А, была не была! Ступил еще, нагнулся, схватил проволоку — и бегом на берег.

Полные сапоги зачерпнул. Сел на камень, стал снимать — никак. Ногу поднял, чтобы вода из сапога вылилась, а она не столько на землю льется, сколько в штаны. Делать нечего: мельницу в руку, проволоку — в другую, зашагал к дому. Сапоги — чмок-чмок, штаны — шлеп-шлеп. И дома попало, ясное дело.

— Отлежался, так опять заболеть хочешь! В больницу попасть? Чтоб тебе пусто было! — ругалась мать, а сама с Кольки сапог стащила, да новым-то сапогом пониже спины — шарах!

Так рассердилась, что и проволоку за сарай выбросила, только-только успел приметить, в какое место.

В общем добежался. На другой день хотел из дому выйти, да не тут-то было: дверь снаружи на замок заперта.

— Вот и сиди, как в казематке! — строго сказал Колька Барсику.

Когда из дому выйти нельзя, дома сидеть еще скучнее, хоть у кого спросите. Ходил, ходил Колька вокруг печки: сам впереди, Барсик за ним. Скука! Два раза новые сапоги обувал, а что толку? У печки и в сапогах неинтересно топать. Хоть бы лужи были...

— А мы возьмем да и сделаем! Верно, Барсик?

Зачерпнул Колька ковш воды, плеснул на пол — только брызги полетели! Барсик со страху под шкаф залез, а Колька знай топает в новых сапогах по садовой луже.

После обеда раньше времени мама пришла. Не пришла — прилетела, как на крыльях.

— Колюшка, дрова нам привезли!

Заторопился и Колька, на улицу полуодетый выскочил. За сараем трактор ревел, да не такой, на котором Колька катался, а трелевочный. Сзади у него лебедка приделана и на нее намотан толстый железный трос с петлей на конце. Обвился трос вокруг четырех березовых комлей и подтянула их лебедка на большой гладкий тракторный щит. Комли на щите, а стволы и вершины по земле тащатся, оставляют за собой четыре черные земляные дорожки, как будто по земле сразу четырьмя огромными черными карандашами провели. Деревья, которые трактор приволок, длинные-предлинные: через реку перекинуть — настоящий мост выйдет.

Отворилась дверка кабины, спрыгнул на землю чумазый тракторист Веня Скакунов. Подмигнул Кольке, крикнул:

— Работу тебе привез, хозяин! Хватит баклуши бить, пили да коли!

Засмеялся и стал петлю на конце троса расплетать.

— Дядя Веня, а почему это твой трактор трелевочным зовут? — громко спросил Колька и, как бывалый тракторист, пнул новым сапогом гусеницу, что спереди вверх круто поднималась, будто у танка.

— А потому, Николка, что он в лесу спиленные деревья себе на горб поднимает да из чащобы вытаскивает через пни, через колоды — на ровное место. Трелюет, значит, вот и трелевочный.

— И дрова, выходит, трелевочные?

— Угадал! — улыбнулся дядя Веня. — Ну пока, брат, а то мне недосуг. — Провел мазутным пальцем у Кольки под носом, оскалил белые зубы, махнул матери рукой и скрылся в кабине. Взревел трактор, дернулся, березовые комли с плиты сползли и с грохотом на землю свалились.

Ушел трактор с Веней Скакуновым к лесу, спиленные деревья трелевать. Мама на ствол березовый села и гладкую, с пятнышками кору погладила.

— Хорошо-то как! — радовалась она. — Распилим, расколем, к зиме высохнет — топи без заботы! Выручили мужики! А я только в контору собралась дрова выписывать.

— Мам, а как Веня-тракторист узнал, что у нас дров мало?

— В нашем поселке, сынок, про всех все знают. Потому что особенный он, лесной. У нас, ежели самому по себе да только для себя жить, — пропадешь. Нельзя одному. И ты, Кольюшка, ни горе, ни радость никогда от людей не таи. Свое не скрывай, да к чужому приглядывайся: не тяжело ли кому, помочь не надо ли? Так только и можно жить хорошему человеку.

— А дядя Миша хороший?

— Хороший.

— Тогда зачем ты его выгнала?

— Да так уж вышло, погорячилась. Он скоро к нам придет с «Дружкой», станем дрова пилить.

...Наконец-то наступил дровяной день. Целый вечер трелевочные березы пилили. Конечно, пилил один дядя Миша, а Колька с мамой да Любкой чурбаки в поленницы складывали.

Потом чуть не целую неделю приходил дядя Миша вечерами дрова колоть и все шутил с Колькой:

— Не приглядел еще мотора к топорной машине? Не успели мы с тобой самую малость. Сейчас бы пригодились машинка-то!

А однажды присел передохнуть и серьезно заговорил:

— Много мы, Колюшка, машин напридумывали. Иной раз и прикину: не больно ли много? Можно, конечно, топорную твою сделать, не больно хитра машина. Она за тебя работать станет, а ты и про топор забудешь. До того забудешь, что и не узнаешь никогда, как он кости разминает, как кровь по жилушкам разгоняет. Я вот сейчас помахал топором-то, и легко стало, будто после хорошей бани. Дышится-то как, брат Колька, а? Весна!

— Хорошо весной, правда?— сказал Колька и тоже всей грудью вздохнул, со свистом даже.

— Правда, Колюшка!— рассмеялся дядя Миша.— Весной силы у человека прибавляется. Как бы худо на душе не было, думаешь: «А ничего! Поживем еще, повоюем!» Так?

— Повуюем!— согласился Колька.

За ту неделю, пока дрова кололи, Колька совсем с дядей Мишей подружился и все-все про себя — что с ним за день приключалось — ему рассказывал. Дядя Миша не то что мама — всегда внимательно слушает и не смеется. Оттого, наверно, легко с ним было разговаривать и просто.

Жалко, что быстро прошли дровяные вечера и не стало за сараем березовых чурбаков. Вместо них чуть не до крыши сарая вымахнула куча желтых поленьев, которые пахли лесной сыростью и березовым соком. Через день-два обдует кучу ветром, и опять Кольке работа — дрова в поленницу укладывать.

Потом время пришло картошку в огороде сажать. Оглянуться не успели — на дворе лето, теплынь и трава чуть не по колено.

Как-то вечером дядя Миша с Любкой пришли не работать, так просто, посидеть. Но хотя и так просто, да не совсем. Попили чаю и дядя Миша сказал:

— Я ведь с просьбой к тебе, Надежда Петровна. Садик наш на ремонт закрывают. Чем Любаше с Колюшкой по своим дворам сиднями сидеть, пусть бы вместе играли? Не против?

— Да о чем разговор, Миша! Пусть приходит Любашка! Все им веселее вдвоем-то. У меня вон еще с зимы забастовку объявил: не пойду в садик! Потом и самому надоело дома, а уж поздно — место занято. Вдвоем-то хоть пообедают путем, а то мой топтыжник все всухомятку.

— Ну спасибо, Надя. Спорить не будете? — спросил дядя Миша у Кольки.

— Она сама пусть не заедается, — насупился Колька.

— Больно надо! — фыркнула Любка, плечиком дернула и к окну отвернулась.

— Столкуются, не беда!

ОДНОУХИЙ ЗАЯЦ

гром вволю поспать не дали.

— Вставай, вставай! — щекотала мать под затылком. — Невеста сейчас придет, а он спит. Любка-то ужо скажет: ну и лежебока!

От таких слов Колька на кровати сел и потер заспанные глаза крепкими кулачками.

— Ты, мам, Любку невестой не зови. А то прогону. И так Валька Бобриков дразнится, да и ты еще...

— Не буду, не буду!

Только успел одеться, шаги на крыльце услышал. Дядя Миша, уже в спецовке, порог переступил, за ним — Любка. На Кольку поглядела исподлобья.

— Пришли мы, — сказал дядя Миша и стал у порога топтаться — застеснялся.

— Поели? — спросила мать. — Садитесь за стол, покормлю.

— Нет, спасибо, сыты мы. Оставайся, дочка, играйте. Некогда мне.

— Подожди, Миша, я ведь тоже тороплюсь!

Мама быстрехонько оделась, Любку по голове погладила, Кольке наказала:

— Завтракайте, все на плите. Смотри, Любашку не обижай!

— Ладно, — буркнул Колька, отворачиваясь.

Хлопнула дверь, и остались они с Любкой с глазу на глаз.

— С Барсиком будешь играть? — спросил он.

— Буду! — осмелела Любка и шапочку красную сбросила.

— Барсик, Барсик, Барсик!

Сразу с кухни примчался.

Любка присела, стала гладить Барсика по рыжей голове. Тот сперва терпел, а потом — раз-раз лапками, и поймал Любкину руку. Завидно стало Кольке, что его котенок с чужой девчонкой играет, нахмурился и сказал:

— Это что! Он фокусы показывать умеет.

— Ой, правда?

Колька нитку не торопясь достал, начал кусок бумажки привязывать. У Любки глаза распахнулись —

шире некуда. Привязал Колька бумажку, давай по комнате на нитке таскать. Барсик за бумажкой носится, Любка — за Барсиком, кричит:

— Дай я! Дай я!

Шуму и грохоту много.

Бегали, бегали — устали. Любка раскраснелась, разругалась, а Колька вдруг присмирел и пошел кашу с плиты доставать.

— Будем завтракать.

— Давай! — согласилась Любка. — А то у меня в животе совсем пусто стало. И Барсика покормим, верно?

— Он хитрый, он кашу не ест. Все бы молочко только.

Взял пол-литровую банку с молоком и плеснул в котеночье блюдечко. Барсик лакает, только язычок мелькает. Полюбовались-полюбовались, за стол сели.

— Хорошо, когда котенок в доме, — заважничал Колька.

Не понравилось Любке его хвостовство, ответила:

— Все равно собака лучше. Мне осенью папа щенка купит, вот!

— Подумаешь, собака! Лаает да и всё! — возразил Колька, и ему досмерти захотелось щенка. Глаза закрыл — как живого увидел: черного, лопоухого...

— А вот и не всё! А вот и не всё! — рассердилась Любка, ложкой по столу стукнула. — С собакой на охоту ходить можно!

— С Барсиком тоже можно! — заспорил Колька, да вовремя язык прикусил, потому что совсем не знал, что за охотник Барсик.

— С Барсиком?! Ври да не завирайся!

— Чего — не завирайся? Хоть сейчас пойдем на охоту!

— Не пойдешь, не пойдешь, — задразнилась Любка, стуча ложкой. — Он и лаять не умеет!

— Не веришь? Айда в лес!

— Айда, айда! Увидим, какие вы с Барсиком охотники!

Колька кашу не доел, ложку бросил, стал сапоги обувать. Любка тоже поднялась, руки о кофточку вытерла, шапочку натянула, — стоит, улыбается ехидно. Ну погоди!

— Ко мне, Барсик! — приказал Колька и свистнул сквозь зубы по-охотничьи.

Барсик после еды на кровати улегся и даже глаз не открыл, только хвостом дернул: чего, мол, пристаешь!

Схватил его Колька в охапку, шагнул в сени.

— Нечего, нечего! На охоту пора!

Побежали к реке. Любка не отстает, сбоку на Барсика заглядывает, а тот минуту смирно сидит да две минуты изо всех котеночьих сил из рук вырывается.

В лес через реку идти надо. Не зря Колька сапоги надел, потому что, хотя дорога совсем просохла, на мосту воды в ботинки начерпать можно. Вот если бы настоящий был мост, на сваях, тогда другое дело, а то на Ершовке просто сколочены в плоты бревна, плоты между собою скреплены и через реку протянуты; называется такой мост — лавы. Между бревнами вода светится; соскользнет туда нога в ботинке — и будь здоров, начерпал.

За лавами лес рукой подать. Высокие сосны стоят тихо, смолой пахнут. Распарило их летнее солнышко. Тропинка, на которую свернули, твердая, песчаная и вся в пятнах. Где тень от ветки — темное пятно, где солнышко до земли достаёт — светлое.

Взглянул Колька на высокие сосны и призадумался, потому что, как с котенком охотятся, он совсем не знал.

— Отпускай теперь! — сказала Любка. — Пусть дичь ищет!

— Дичь — не дура, — насупился Колька. — По тропинке, небось, не бегают. В лес надо свернуть сперва.

— Так давай свернем!

Отступать некуда, повернул Колька прямо в лес. Сосны скоро кончились, начались березки да осинки с маленькими зелеными листиками.

— Ищи, Барсик! — сказал Колька и котенка на землю опустил.

Не тут-то было! Раньше вырывался, а теперь прямо когтями в рубашку вцепился, не хочет идти на лесную землю.

— Ищи, Барсик, ищи! — уговаривал Колька и посадил котенка под куст.

Барсик юркнул куда-то, пропал в густой траве.

— А дальше что? — удивилась Любка.

— Ждать будем. Найдет дичь — сам принесет. Не то что какой-нибудь щенок.

Любка поверила, присмирела. Сели на траву возле березки, ждут. Долго ждали: ни дичи, ни Барсика.

— Эх ты, охотник! — сказала Любка. — Наверно, Барсик и сам-то потерялся.

— Давай тогда поищем, — испугался Колька.

Ничего себе поохотились: ни дичи, ни котенка.

— Кругами будем ходить: ты в ту сторону, а я в эту.

Стали ходить кругами. Раз прошли — ничего. Два — ничего. В третий раз прямо перед Колькой под кустом что-то рыжее шевельнулось. Обрадовался он, прыгнул и схватил... думал — Барсика, а оказалось — совсем другого зверя. Был тот зверь маленький, как котенок, только мордочка не кошачья и лапы длинные.

— Любка! Я зайца поймал!

— Где? Покажи! — Любка как тут была.

— Правда, заяц! Зайчонок маленький! Ой, погоди, у него уха нету!

Колька сразу и не заметил, что заяц одноухий. Другое ухо оторвано чуть не под самый корешок, и кровь в этом месте запеклась. Опомнился зайчонок, рванулся из рук, упал на землю. Хотел было прыгнуть, да не смог, задняя нога волочилась, видно, сломана была. Так жалобно посмотрел зайчишка на ребят своими огромными черными глазищами, что сердце у Кольки сжалось.

— Видно, ястреб его поклевал,— рассудил он, снова беря зайчонка на руки.— Чего делать-то? Пропадет ведь!

— Домой возьмем. Не то ястреб вернется и совсем его доклевает.

— Ладно,— согласился Колька.— А Барсик?

Притихла Любка. Трудное дело: и Барсика бросить нельзя, и зайчишку нельзя.

— Пойдем домой,— решил наконец Колька.— Сперва зайца под кроватью оставим, а потом сюда вернемся, Барсика искать будем. Может, он к тому времени и дичи наловит.

— Ага! — довольно вздохнула Любка.— Ты, Колька, все-таки молодец. Правильно придумал.

ЗАЯЧИЙ ДОМ

Выбрались они сперва на тропинку, потом на дорогу. Веселее стало, потому что хоть и хорошо в лесу, а в поселке привычней. Пригрелся он за рекой, такой знакомый, что роднее и нету ничего на свете.

Перед самыми лавами Колька, видно, у зайчишки раненую лапу прижал. Заверещал зайчишка, как ребенок заплакал.

— Давай мне! — рассердилась Любка.— Совсем нести не умеешь!

Колька понял, что виноват, отдал зайца без спора. Только на лавы ступили...

— Гляди, Любка, гляди! Барсик!

У самого того берега пробирался по лавам котенок. Оступился рыжий от Колькиного крика, в воду попал. Остановился и лапой потряс брезгливо.

— Во разбойник! — обрадовался и рассердился Колька. — Так-то он дичь ищет!

— Не ругайся, — сказала Любка, осторожно по бревнам ступая. — Моя правда вышла — никто с котятами не охотится.

— Все равно зайца поймали! — не сдался Колька.

Барсик первым домой прибежал. В комнату не пошел, под крыльцо шмыгнул — боялся, что ругать будут. Только ребятам не до него — совсем ослаб зайчишка. Сидел на руках у Любки и дрожал мелкой дрожью. Положили его на пол перед блюдечком с молоком, а он сжался в комочек и опять дрожит.

— Чем тебя кормить-то тогда? — спросил Колька у зайца.

Молчит, только трясется весь.

— Знаешь, Колька, — сказала Люба и палец ко лбу приставила, — мне папа книжку читал. Там написано, что зайцы морковку едят.

— Верно! — обрадовался Колька. — У нас в огороде морковка уж большая выросла. Сейчас я надергаю!

Помчался он в огород, к той грядке, где морковка была посеяна. Там из земли хвостики показались зеленые. Выдернул один хвостик — нет никакой морковки, одна белая ниточка тянется — корешок. Другой хвостик потянул, третий — все одни ниточки. Много надергал, да попусту. Собрал морковку в кучу, отнес в дом. Не стал ее зайчонок и нюхать.

— Может, ему соску надо? — вслух подумала Любка. — Вишь, какой маленький...

— Где ее возьмешь, соску-то?

— Да ты пей, пей! — чуть не заревела Любка и стала тыкать зайчишку мордочкой в молоко. Перемазала всего, а он и не облизывается даже — сил нет.

Дверь хлопнула, мама с работы вернулась.

— Ба-атюшки! — ахнула она. — Не Мамай ли тут побывал?

И правда: каша на столе, два стула на боку, по всей кухне земля да морковкины хвостики раскиданы и молоком забрызганы. Невеселая картина.

— Да что у вас тут делается-то?

— Зайца принесли, — потупился Колька.

— Зайца? Какого еще зайца? Ох ты, дьяволенок этакий! Ну-ка убирайся со своим зайцем, чтобы духу не было! Что за наказание такое на мою голову: на минуту одного оставить нельзя! Да и морковку, однако, всю выдергал. Ох я тебе сейчас и задам трепку!

Не стал Колька трепки дожидаться, схватил зайчонка в охапку — и был таков. Опомнился у поленницы за сараем. Присел на обрубок березовый, гладит замученного зайца, а слезы капают: кап да кап. Тут его Люба и разыскала.

— Ты не плачь, Колька, — сказала она. — Мы ведь не виноваты, чего она?

— Ладно, — всхлипнул Колька и глаза рукавом вытер. — Жалко... Сдохнет зайчишка...

— Домик ему надо сделать, — сообразила Любка. — А то все на руках да на руках.

— На, поддержи.

Начал Колька думать, как заячий домик строить. Потом, ни слова не говоря, стал поленья из середины поленницы вытаскивать, где они не крепко зажаты были. Вытащил с десятка — и получилась нора. Сзади норы — стена сарая, с боков — поленья березовые. Из сарая старых тряпок принес и фанеры кусок. Тряпки в нору постелил.

— Клади туда! — скомандовал Любке.

— А полено как сверху свалится да как задавит! Пошатал в норе верхние поленья.

— Не, не задавит. Крепко.

Положили зайчишку на тряпки, фанерой снаружи прикрыли, оказался заяц под крышей, в заячьем домике.

— Все равно кормить надо. А чем? — пригорюнилась Люба.

— У отца спроси, — посоветовал Колька. — Только не говори ему, что зайца поймали. Сама видишь, какие они... Не проболтаешься?

— Ни за что!

— Честное-пречестное?

— Честное-пречестное-перечестное!

— Узнаешь, чем кормить, а завтра мне скажешь.

— Побегу я домой тогда...

Исчезла девочка в красной шапочке за соседней избой. Хорошо ей: дома никто ругать не будет. А Кольке домой дороги нет.

Долго сидел он у поленницы. Солнышко закатилось, туман от реки поплыл. Грустно и обидно Кольке. Загорает он за сараем, как бездомный бродяга, и некому его пожалеть в целом мире.

— Коля! Колюшка! — раздался голос матери. — Где ты, сынок? Иди домой, суп сварился!

«Вот и пойми ее. То тебе — трепка, то — суп сварился. С голоду помру, не пойду!»

И сразу есть захотелось — мочи нет. А голос матери все ближе:

— Коленька! Сынуля!

Что с нее возьмешь? Верно отец говорил: кипяток она. Закипит и остынет.

— Сынок! Где ты?

— Иду! — ответил Колька, показался из-за сарая и ткнулся лицом в фартук матери.

— Возьмем зайца-то! Пропадет ведь...

— Бери, бери! Неси в избу.

Отодвинул Колька фанеру, достал зайца, который дышал часто и тяжело. Дома на пол его положил, на светлое место. Откуда ни возьмись — Барсик. Спину выгнул, хвост распушил, трубой поднял и зашипел на зайчишку, как на врага, — вот-вот вцепится в него всеми когтями. Испугался зайчишка, а убежать — мочи нет, только лапками переступил.

— Вишь, какой храбрый! — обругал Колька Барсика. — В лесу, небось, не такой храбрый был, сразу удрал!

Взял он котенка за загривок, в коридор выбросил. Мама зайчишку подхватила, поднесла ближе к свету.

— И верно, совсем плох. Где вы его откопали, такого заморыша? Да еще безухого?

— В лесу нашли.

Покачала мама головой неодобрительно, а ругаться не стала, посадила зайчишку на печку.

— Пусть погрееется. Поужинаем, потом я его лечить буду.

— Как лечить, мам?

— Лапку перевязать надо. Больное ухо вазелином помазать. Молочком напоим, может, и отживется.

— Мам, а я зайчишке домик сделал в поленнице. Пусть он там живет, как поправится?

— Пусть живет, если захочет.

РЫБНОЕ БЛЮДО

Утром Колька первым делом на печку заглянул. Лежит там зайчишка, как и вчера, не шевелясь, только бинт белеет на задней сломанной лапке. Перед мордой у зайчишки пучок морковной травки брошен, да не тронут.

— Ты чего ни свет ни заря поднялся? — спросила мама. — Не волнуйся, жива твоя животина, не ест только ничего. Молока с пальца полизал — и все.

— Он ведь, мам, с голоду умрет!

— Вы с Любашкой сбегайте сегодня за ручей, там травка растет маленькая, в три листика. Заячьей ее зовут...

— Знаю, знаю! — обрадовался Колька. — Кисленькая такая, в черничнике попадается.

— Вот-вот. Нарвите побольше, может, ему и на пользу будет.

В дверь постучали. Это Любка пришла одна, без отца.

Тоже на печку забралась, на зайца посмотрела и по шерстке одним пальцем погладила.

— Не трожь! — толкнул ее Колька. — Не видишь, болеет!

— Завтракать слезайте, — позвала мама.

Покормила их и ушла на работу.

— Узнала, чего зайцы едят? — спросил Колька.

— Папа говорит, что пока они маленькие, так молоко у зайчихи сосут, да не просто у своей мамы, а у любой, какая попадетсЯ. А когда подрастут — кору с деревьев грызут. Еще Валька Бобриков мне сейчас навстречу попался, корову погнал пастись, так он сказал, что больше всего зайцы любят рыбу.

— Разболтала ему, что ли? — подозрительно спросил Колька.

— Не, я просто спросила, чего зайцы едят.

— Врет, наверно, твой Валька.

— И никакой он не мой, и вовсе не врет! У него знаешь сколько книжек про разных зверей? Даже про тигра есть, и про крокодила, и про медведя, и...

— Мне мама сказала, что надо в лесу заячьей травки нарвать, — перебил ее Колька. — Знаешь, кисленькая, на тоненьком стебельке три листика?

— Конечно, знаю. Я и вчера ее видела, даже съела три штуки.

— Ты тогда за ручьем поищи. Там в черничнике этой травы навалом. А я рыбу пойду ловить.

— Мне папа не разрешает одной в лес ходить.

— Скажи, что струсила!

— Ничего не струсила!

— Ну и не ходи, не надо, сам схожу. Зато потом и на зайца не посмотришь. Играй тогда со своими куклами.

— Нужен мне больно твой заяц! Да и не твой он, если по-честному, вместе ведь нашли. А тебе бы только нос задирать. Зазнайка!

— А ты чего ругаешься? Пришла в чужой дом, да еще и ругается! Уходи тогда!

— И уйду! Подумаешь! Зазнайка! Зазнайка!

Дернула плечиком и дверью хлопнула. А потом снова заглянула и опять крикнула:

— Зайка-зазнайка!

Неудобно Кольке стало. Почесать в затылке пришлось. Но догонять не побежал: будь что будет. Раскрыл дверь пошире и стал в сенях рыться, отцовский спиннинг искать. Конец спиннинга из-под железного корыта торчал. Пока вынимал, корыто гремело и грохотало, как десять барабанов сразу.

Принес спиннинг в комнату, посмотрел и понял, что никакой рыбы ему не поймать: жилка у спиннинга толстая, на катушку намотана, а на конце блесна светится, сама больше маленькой рыбки. Если катушку снять да нитку с крючком и пробкой к удилицу привязать, тогда другое дело.

Нашел Колька ножичек свой с перламутровой ручкой, перерезал жилку. Катушку двигал, двигал туда-сюда — никак не поддается. Взял он тогда молоток да ка-ак стукнет! Сразу отлетела катушка.

Крепкие черные нитки в комодe спрятаны, а два

крючка еще с того лета в заветной коробочке ждут. Осталось пробку найти. Вспомнил, что в сарае пустые бутылки стоят. И верно, одна с пробкой оказалась. Привязал Колька всю снасть, взял коробку из-под спичек, разыскал под досками двух червячков и в коробку положил. Теперь можно и рыбу идти ловить.

Барсик появился откуда-то, о Колькины ноги трется и мурлычет как ни в чем не бывало. Подлиза.

— Не до тебя мне сейчас, — строго сказал ему Колька. — На рыбалку иду.

Защагал на реку, а Барсик за ним, как собачонка. Удивился Колька и обрадовался: вдвоем веселее будет.

Сегодня он не к лавам направился, а на другой край поселка, где река широкой излучиной повертывается. В этом месте, ребята говорили, рыба всегда клюет. Выбрал он укромное местечко у кустика, насадил червяка и забросил свою снасть в воду. У самого берега упал поплавок. Ничего, рассудил Колька, если рыба есть, так и у берега есть, а если нет, так и на середине реки не поймаешь.

Долго он на берегу сидел. То на пробку посмотрит, то на Барсика, который повыше его устроился и облизывается, рыжий. Потом надоело Кольке, захотелось червяка подальше от берега забросить. Потянул леску из воды, да не тут-то было: зацепился крючок за какую-то корягу на дне.

Положение — хуже некуда. Дергать нельзя, нитку оборвешь. Не дергать тоже нельзя, потому что тогда совсем никакой рыбы не поймаешь, хоть сиди весь день, как привязанный. В воду лезть, крючок отцеплять — глубоко, а плавать он ни капельки не умеет. Куда ни кинь — кругом клин. Обидно стало до слез. С Любкой поругался, заячьей травы не нарвал, заяц голодный сидит, рыбы дожидается, а у Кольки все дело встало.

Поглядел он кругом и видит: идет по берегу человек. Да хоть бы хороший человек, а то — отец Володьки Кузина, Степан Алексеевич, который курить Кольку заставлял и в мастерской его на смех поднял. Сейчас, небось, смеется над Колькиным горем. Сдвинул Колька брови, сидит тихо, на пробку уставился. Раздались шаги по берегу и за спиной у него стихли.

— Ну, как рыба?

— Не клюет, — сердито ответил Колька.

— Так ведь она, Колюха, не дура, рыба-то. Сама на берег не полезет. Ты подальше закинь.

— Нельзя мне подальше, — буркнул Колька не оборачиваясь. — Крючок зацепился...

— Вот оно что! А чего ж не отцепляешь?

— Плавать не умею так...

— Придется видно, тебя выручать, — вздохнул Степан Алексеевич.

На землю сел, сапоги снял. Разделся, в воду ступил осторожно. Леску в руку взял, натянул, ногой ее нащупал под водой, дернул и выбросил на берег всю снасть.

— Ты зря здесь устроился. Ты вон туда, к ручейку ступай, там наверняка клюнет, — посоветовал, одеваясь, Степан Алексеевич.

Послушался Колька, пошел к ручейку. Барсик — за ним. Закинули в новом месте удочки и задумались.

Непонятно получается. Тогда после мастерской казалось, что плохой человек дядя Степа Кузин. А сейчас вот не поленился, в воду полез. Может, он хороший? Или так бывает, что и плохой, и хороший — сразу? Или — сперва плохой, потом хороший, а потом опять плохой? Вот палку взять. Он ведь хороший был, пока с ними жил. Теперь плохой стал, что ли? Как же так? Например, дядя Миша, тот совсем хороший. Про это все говорят, да и сам Колька видит.

Правда, Любка у него — вредина. А мама? Она-то хорошая, только — кипяток. Тоже плохо, что кипяток...

Окончательно запутался Колька, а тут еще пробка куда-то потерялась. Потянул он удилище и чувствует, будто кто-то дергается на том конце. Вывернулась из воды рыбка, перелетела через Колькину голову и в траву шмякнулась. Бросился к ней, а Барсик тут как тут, уже зубами ее схватил и не отдает. Еле отнял маленькую рыбку у котенка, пригрозил ему пальцем:

— Ты, небось, здоровый! Вон как носишься! А зайчишка с голоду помирает!

Смотал удочку, рыбешку в карман сунул — и домой. Прибежал, не разуваясь по приступкам на печку влез и заметил, что оживает зайчишка. На другое место перебрался, а когда Колька появился, перепугался, попятился, того и гляди с печки свалится. Морковная травка разворочена — поел, значит. Вытащил Колька рыбешку из кармана, сует ему, а зайчишка отворачивается, да все дальше в угол забивается...

В это время Любка на пороге показалась. Обрадовался Колька, но вида не подал, только с печки слез.

— Не ест он рыбу, — сказал. — Придется за зайчей травкой идти.

— Я уже сходила! Смотри, сколько нарвала!

Из карманчиков, которые к кофточке были пришиты, достала Любка две горсти бледно-зеленых нежных листочков. Протянула Кольке и попросила:

— Ты не сердись, ладно? Мир?

— Мир! — весело ответил он и снова на печку забрался — зайца травой кормить. А тот от рыбешки совсем в другую сторону отполз и усишками шевелит: не любит рыбьего запаха. Зато Барсик кругами вокруг печки ходит и вопит сиплым голосом, и непонятно, чего ему надо: то ли зайца, то ли рыбу.

— На, охотник! — бросил ему Колька рыбешку с

печи. Чуть не на лету подхватил ее котенок, шмыгнул под кровать.

— Ты сюда залезай, Любка! Может, из твоих рук он траву возьмет.

Но из Любиных рук зайчишка тоже траву не взял, в угол жался и глазами косил боязливо.

— Тоже ведь думает чего-то! — тихо сказал Колька. — Интересно бы узнать, о чем зайцы думают, верно?

— Ага, — ответила Люба. — Наверно, мы ему большими кажемся и страшными, как самые страшные звери...

Прошло время. Срослись у зайчонка молодые косточки, зажила лапка. Знал он теперь твердо, что не едят люди маленьких зайчат, смело бегал по комнате, не вырывался из Колькиных рук и побаивался одного Барсика. Тот, когда дома бывал, шипел на него злобно и зубы скалил, однако не трогал, когтями не драл. «Только тронь, — думал зайчишка, прижимаясь к Колькиным ногам. — Самому попадет немало!»

Молоко он теперь из блюдечка пил, траву выбирал самую сочную. А однажды Колька ему целый пир устроил: принес две пузатые красные морковки. Заяц даже ухо прижал к спине от удовольствия — никакого сравнения с тощими белыми хвостиками, которыми его в первый день угощали.

Почти каждый день приходила к Кольке Люба, только теперь уже не в розовой кофточке, а в коротеньком цветастом платице. Гладила зайчишку по спине и давала чего-нибудь вкусного. Один раз с Колькой заспорила:

— Надо ему имя дать! У всех имена есть, а у него нету.

— Ладно, — согласился Колька, — назовем Тигром. Тогда и барс, и тигр у меня будут.

— Какой он тигр! Ни клыков, ни когтей, ни хвоста нету.

— Есть хвост!

— Одно название, а не хвост.

— Все равно — Тигр!

— Не Тигр, а Борька!

— Сама ты Борька!

— А ты — дурак!

— Ну и уходи, раз так!

— И уйду! Живи со своими хищниками! Зато мы с папкой уедем на Черное море, вот!

— Подумаешь! — сказал Колька.

Заяц слушал и ничего не понимал. Удивился только, когда стали звать его Борькой. Потом привык и на кличку отзывался, бежал сразу.

Жарким летним днем, в начале августа, взял его Колька на руки и вынес во двор.

— В домике будешь жить! — сказал он зайчишке. — А то мама ругается, что от зверья в избе грязно. Вот тут и живи.

Так зайчишка снова в дровяном домике оказался. К верхнему полену Колька гвоздиком фанеру прибил, а когда уходил, закрывал выход наглухо.

Невеселая началась у зайца жизнь. В комнате хоть попрыгать можно было, когда Барсика нет. А в дровяном домике тесно, темно и скучно. Одно утешение, что лесом пахнет.

«В лес бы теперь! — вздыхал зайчишка. — Побегать бы, коры осинової пожевать!»

Нога у него совсем зажила, и будто пружинки во всем теле заиграли: скакал и скакал бы без оглядки до самого леса!

Ночью он тихонько постучал лапами по фанере. Она на бок сдвинулась. Еще постучал — еще сдвинулась, так что голову просунуть можно. Понюхал теплый ночной воздух, пошевелил усами, осторожно

спрыгнул на землю. Послушал — все тихо кругом. Припустил заяц во все лопатки к реке, перебрался через лавы и поскакал, не оглядываясь, искать заячью полянку.

ПО ГРИБЫ

К

олька сегодня сам не свой. Весь белый свет над ним смеется. Взглянет Колька на солнышко, а оно хохочет-заливается:

— Эх ты, герой, Борьку проспал!

Поленница щерится треснутыми поленьями:

— Что, друг, удрал твой заяц?

Даже ветер высвистывает насмешливо:

— Ушел, ушел зайчишка, ушел, ушел!

Грустно Кольке. И Любки нету, уехала Любка с дядей Мишей к далекому Черному морю... А маме отпуск до осени не дадут... И Борька сбежал в темный лес...

— Корми да лечи вас, зайцев! — вслух обижается Колька. — Удрал и спасибо не сказал. А может, не удрал? Утащили, может? Наверно, Володька Кузин утащил. Правда, он про зайца ничего не знает. А если узнал? Драться будет, так я тоже саблю возьму!

Достал в сенах свою старую боевую саблю в ножнах, сел на крылечке резьбу на рукоятке вырезать, чтобы сабля лучше в руке держалась. Резал, резал узоры и вспомнил: вчера мама говорила, что уехал Володька с отцом Степаном Алексеевичем на лесной покос — сено для коровы косить. Валька Бобриков тоже не дома — у бабки гостит. Ясное дело — сбежал одноухий Борька!

— Попадись только мне теперь! — пригрозил Колька далекому зайцу. Не со зла пригрозил, а так, для порядку.

Взмахнул он своей остро отточенной саблей — и

в огород, с лопухами воевать. Большие лопухи зыросли за канавой, целое вражье войско.

— Ура! Вперед! На врага! — вопил Колька и бросался в самую гущу боя, рубил врагов в капусту, пока не победил. Вся сабля зеленая стала, вот как смело он воевал.

А все равно скучно без Борьки. Хоть бы в школу скорее, что ли...

Еле до вечера дотянул, пока мама с работы не пришла. Пожаловался:

— Мам, Борька пропал!

— Как, пропал?

— Нету нигде, все обыскал.

— В лес, видно, подался. Да ты не расстраивайся, ему в лесу-то ведь лучше. Посиди-ка целый день взаперти — поневоле убежишь. В лесу он зайчиков знакомых встретит, бегать станет, играть...

— А волк его — хам! — и съест!

— Нет, — улыбнулась мама. — Теперь уж он волку не попадетсЯ, ученый. А тебе, Колюшка, завтра еще денек одному придется посидеть. Хочу я с Таисьей по грибы сходить. Белые, говорят, растут, хоть помариновать немножко.

— И меня бери! — нахмурился Колька. — Чего я все один да один!

— Ты с Барсиком поиграешь.

— Да... — плаксиво протянул Колька. — Он все дрыхнет на кровати... Возьми...

— Нельзя, говорю тебе! Мы далеко собираемся, а ну как заблудишься? Нет-нет, и не просись.

— Пойду! Все равно пойду!

— А ну замолкни, не выводи меня из терпенья! Ишь, каприза какой! Сказано: дома будешь сидеть — и баста!

Замолчал Колька — что сделаешь? Подумал про себя: «Все равно не отстану. Подожду, пока реку перей-

дете — да следом! Тогда, небось, не прогонишь — из лесу-то. Может, еще и Борьку безухого там увижу!»

И лег спать.

Утром глаза три раза открывал, чтобы не прозевать, когда мама в лес соберется. Наконец хлопнула дверь — пора! В полминуты оделся, кусок хлеба в карман сунул — и на крыльцо. Дождался, когда мать с соседкой у лав показали, побежал вдогонку, только голенища по ногам хлопают. До реки добежал, а грибки уже за первыми деревьями в лесу скрылись. Не струсил Колька, смекнул, что они сперва по тропинке пойдут. Догонит!

Все так и получилось. Мама только руками всплеснула, когда далеко в лесу перед ней сын оказался:

— Ну, Колька, ты и разбойник! Подумай, Тась? Сказала, что по грибы не возьму, так он тайком за мной. Скажи, не шпана?

— Да полно тебе! — заступилась соседка.— Вон какой большой парень, пусть к лесу-то привыкает.

— Смотри, ни на шаг от меня не отставай, а то попадет! — пригрозила мать совсем не сердитым, даже довольным голосом.

Слова эти Колька мимо ушей пропустил, все по сторонам озирался: не появится ли где безухий заяц? Давно уж прошли то место, где с Любкой да с Барсиком на охоту сворачивали, а Колька все под кустами глазами шарил. И увидел под осинкой красную шапочку.

— Гриб! Мама, гриб!

— И верно,— удивилась мама.— Да хороший какой, ядреный, как репка! Ну молодец, Колюшка, всех обставил. Раз почин есть, давайте тут и в лес свернем.

Лес на удивление светлый да чистый был. Редко друг от друга березы, осины стояли, а между ними кой-где маленькие елочки раскиданы. Трава невысо-

кая, мягкая, так ее по зеленым кудрям погладить и хочется.

Что тут случилось, непонятно: начали Кольке грибы попадаться чуть не под каждым кустом. То подосиновик из травы покажется, то подберезовик, то два подосиновика сразу, как два братца в красных шапочках. Не успевала мама грибы в корзину складывать и сердилась шутливо:

— И как ты их замечаешь? Мне ни одного гриба не попалось, хоть тресни, а ему — один за одним!

— Ты, мам, за мной не ходи, — важно ответил Колька. — Ты мне лучше свой ножик дай: сам срезать буду. Все равно грибы на твои глаза не показываются.

Сказал и остолбенел. Стояли под маленькой елочкой два громадных крепких гриба на толстых ножках. На подосиновики чуть-чуть похожи, только шляпки у них не красные, а темные, с коричневыми подпалликами. Холодок прокатился между лопаток: хоть и не видывал никогда таких грибов, а нутром понял: белые.

— Мам, — позвал он тихо, — погляди...

— Белые! — Мама от неожиданности даже корзину уронила. — Ну, сынуля! Видно, настоящий грибник из тебя получится!

— А ты брать меня не хотела, — довольно заулыбался Колька.

— Всё, всё, теперь уж дома не оставлю, как в лес соберусь. Вот бы отец посмотрел, какой у него помощник по грибному делу вырос...

И осеклась. Протянула Кольке ножик, отвернулась, сказала глухо:

— Срезай, раз нашел.

— Да ты не расстраивайся, мам, — утешил ее Колька, укладывая тяжелые грибы в корзину. — И тебе попадется еще!

— Может, и попадетсЯ,— усмехнулась мать и ласково хлопнула сына по затылку.

Грибов располнехонькую корзину набрали. А безухий заяц так и не показался.

ФОРМА

Долго тянется летний день, зато лето быстро пролетает. Никак не догадается Колька, почему. Из длинных дней длинные недели получаться должны, из длинных недель — длинные месяцы. Но... Вроде бы совсем недавно дрова кололи, огород сажали, а уже на дворе август и через неделю — в школу. Такое короткое лето оказалось.

Лето, конечно, еще на другой год будет, а в школу скорее хочется: там книжки с картинками научат читать. Книжки, отец рассказывал, про все есть: и про моря, и про горы, и про дальние страны. Про зверей, наверное, тоже есть.

«Вот научусь читать,— мечтает Колька,— достану самую главную книгу про зверей и все про всех узнаю. И про то, как тигры живут. И как — зайцы. И про то, зачем безухий Борька сбежал от меня. Скорее бы в школу!»

Так захотелось — встал бы прямо сейчас и пошел на урок. Взял Колька новенький портфель с блестящим замочком, открыл и в который раз перебрал, что там было. «Букварь» тут. Тетрадки тут. «Арифметика» тут. Пенал с карандашами да с резинкой тоже в портфеле. Все на месте, а в школу идти нельзя — время не наступило. Интересное какое оно, это время: то быстро-быстро идет, то совсем не движется. Может, живое оно?

Поглядел Колька на часы, сказал несмело:

— Эй ты, время! Ты быстрее иди, мне в школу надо!

Маятник на него внимания не обратил, качается важно: тик-так, тик-так, тик-так... Не больно-то время слушается людей. Если бы слушалось, сказал бы ему только: «А ну, вернись обратно!» — пошло бы время назад, и никуда не уехал бы от них отец — ни в какую командировку...

Подкрался к портфелю Барсик, присел рядышком, умывается лапой. Понял, видно, что Кольке грустно. Взял его Колька на руки, погладил.

— Я в школу скоро. Ты дома тогда сиди, за хозяина. Да не балуй сильно, а то попадет!

Вернулась мать с огорода, свежей картошки накопала.

— Вот и дожили мы с тобой, Колюшка, до новой картошки. Как наварим сейчас, да с грибочками!

Зажмурился Колька, слюнки потекли.

— Ты не дразнись, мам, а то, пока картошка варится, терпеть больно долго!

— Не буду, не буду! — засмеялась она.

В дверь постучали негромко.

— Заходите! — басом крикнул Колька.

— Хозяин дома, значит, все в порядке! — засмеялся дядя Миша, входя в комнату. — Здравствуйте!

— Дядя Миша приехал! Ура! — заорал Колька и бросился на шею своему другу.

Только потом Любку заметил, застыдился и к печке отскочил.

— Здравствуйте, южане, здравствуйте! — приветливо сказала мать, вытирая руки передником. — Как там море? Не обсохло из-за вас?

— Море в полном порядке, — ответил дядя Миша. — Вон как моя принцесса загорела.

— Да ну тебя, папка! — толкнула его в бок Любка и подбежала к Барсику.

Только тут заметил Колька, что выросла она выше его самого и черная стала, как цыганка. И очень красивое на ней было платье — белое с голубыми полочками.

Мама дядю Мишу за стол усадила, заставила картошку свежую дожидаться. Он не сразу сел, а сперва протянул Кольке тяжелый пакет:

— На, ученик, примеряй свой мундир!

— Чего это, дядя Миша?

— Развязывай, развязывай!

У Кольки глаза заблестели от нетерпения. Быстро распутал бечевку, развернул бумагу и ахнул. Лежала перед ним школьная форма — новенькая, блестящая, темно-синего цвета. И фуражка тут же, и брюки с ремешком.

— Спасибо скажи дяде Мише.

— Спасибо, — поднял Колька сияющие глаза.

— Ладно, ладно, ты примерь давай. Не знаю, в пору ли будет?

— Значит, нашел все-таки, не забыл? — тихо спросила мать.

— Как же можно забыть, Надежда Петровна? — обиделся он. — Друзья мы с Колюшкой или не друзья? А для сердечного дружка хоть сережку из ушка, верно, Люба?

— Мы вместе с папкой форму искали! — похвасталась Любка. — Сперва в ГУМе, а потом — в самом «Детском мире»!

— Ну спасибо, умницы вы мои! Так что, Колюшка, мерять надо! Давай вот на кухне переоденься.

Колька в кухню зашел, не знает с чего и начать. Рубашку стал снимать, да вспомнил, что куртка на рубашку надевается. Тогда штанишки сбросил и новые брюки осторожно натянул. Куртку накинул и на блестящие пуговицы застегнулся. Пахли куртка и фуражка чем-то новым, хорошим. «Москвой пахнет!» —

догадался он. Надвинул фуражку на лоб так, что скрипнуло, и пошел показываться.

Дядя Миша осмотрел, доволен остался. У Любки глаза округлились — как два блюдечка. Мама охнула:

— Батюшки, большой-то какой вырос! И не замечала...

Колька по комнате гордо прошелся, в зеркало взглянул и сам себя не узнал: такой он в форме непривычный, не поймешь — то ли летчик, то ли железно-дорожник.

«Вырасту — летчиком буду!» — решил Колька.

До того ему стало приятно, что он такой ладный да сильный, что дядя Миша, лучший друг, и в Москве о нем не забыл, и здесь сейчас улыбается, довольный, и оттого еще, что Любка глазищи свои распахнула, и мама такая счастливая, и даже Барсик завидует, бродит вокруг него на своих бархатных лапах, — хорошо!

— Ладно, Колюшка, снимай форму, обедать станем.

Вот тебе и хорошо!

Как же сейчас форму снять и перед Любкой в своем затрапезном виде явиться? Она, небось, вон какая нарядная!

— Нет, мам, я в форме обедать буду, — набычился он.

— Давай не смей людей-то! В форме он обедать будет. Замажешь, а в школу как? С пятнами?

— Надо, Колюшка, переодеться, — сказал дядя Миша. — Мать верно говорит. В школу придешь, так чтобы сияло все, как у гвардейца! А вообще форма — что? Тряпки. Красивые, да все равно — тряпки. Главное — человеком хорошим быть, а ведь ты у нас — неплохой парень!

— Так и быть, — шмыгнул носом Колька. — Кабы не ты, дядя Миша, не стал бы форму снимать.

И ушел в кухню.

Только стал раздеваться — Любка тут как тут.

— Чего тебе?

— А зайца покажешь?

— Нету больше зайца. Удрал он от меня...

— Удрал?! Куда?

— В лес, наверно, куда ему еще удирать.

— Ой как плохо! — пригорюнилась Любка и пошла в комнату.

— Что невеселая, Любушка? — донесся оттуда голос матери.

«Неужели проговорится»? — испугался Колька. Почему-то очень не хотелось ему, чтобы дядя Миша знал, как он зайца проморгал.

— Да так... — ответила Любка. — Зоя Алексеевна еще велела мешок под сменную обувь сшить...

— Ну это беда невелика. Вот буду Колюшке шить, так и тебе заодно сделаю.

За обедом дядя Миша вспоминал, как сам в первом классе учился. Давным-давно это было, сразу после войны.

— Учительница нам хорошая досталась, старушка, Марьей Федоровной звали. Опоздаешь, бывало, на урок, а она очки на лоб сдвинет, посмотрит весело и скажет:

— Откуда, умная, бредешь ты, голова?

Колька от смеха чуть картошкой не подавился, а Любка в ладони прыснула.

— Не любила, помню, когда ябедничают, — улыбнулся дядя Миша. — Сперва находились такие, кто на других нашептать любил, но она быстро их при всем классе на чистую воду выводила. А мы еще после уроков добавляли — кулаками. Быстро перевелись шептуны.

— А ябед всегда били? — с интересом спросил Колька.

— Да кто его знает... На ябеду ведь положиться нельзя. Я бы с ним не то что в разведку... на охоту и то не пошел бы, раз ненадежный человек.

— А меня возьмешь на охоту? — загорелся Колька.

— Отчего же не взять? Тебя взять можно, ты мужик проверенный!

Расцвел Колька от такой похвалы и близко-близко к дяде Мише придвинулся.

— Сидел бы, охотник! — засмеялась мать. — Тебе теперь одна охота — учиться лучше!

ЯБЕДЫ

ветов с огородной грядки мама в последнюю минуту настригла, на лепестках еще росяные капельки посверкивали. Пышный получился букет. Нес его Колька в обеих руках, а мама портфель взяла — так и шагали до самой школы.

В школьном коридоре оробел Колька: чистота кругом, полы накрашены до зеркального блеска, по ним ребятишки, как по льду, катаются. Такой кругом крик, шум и тарарам, такая беготня, что Колька растерялся, поневоле прижался к матери. Потом своих увидел: Вальку Бобрикова, Сеньку Шапина; потом Любка с отцом, Танька Щеглова и другие ребята из поселка пришли — все в новой форме, ребята в белых рубашках, а девочки в фартуках белых. Собрались в одном месте, около своего будущего класса, — и скоро этот угол красным от цветов стал.

А потом ребят на линейку построили и говорили им слова всякие, и директор школы Татьяна Анатольевна говорила чего-то, да Колька не понял, потому что Сенька Шапин его в спину незаметно кулаком ткнул, а сам он все думал, как незаметно Сеньке на ногу наступить.

В классе учительница Зоя Алексеевна их сперва рассадила: мальчика и девочку — на одну парту. Кольке ничего место досталось: у окна и не за первой партой. Рядом Любка поместилась. Обрадовался Колька — своя все-таки, с ней нестрашно. Сначала смиренно сидели, как учительница показала, — и локти на парте, и ладони. А когда Зоя Алексеевна попросила кого-нибудь до десяти сосчитать, Сенька Шапин руку не поднял, сразу вскочил:

— Раз, два, три, четыре...

— Неправильно, Шапин, садись. Кто правильно скажет?

Колька руку поднял по всем правилам.

— Скажи, Большаков, какую ошибку сделал Шапин?

— Надо говорить не «раз», а «один»!

— Правильно! Теперь ты сосчитай до десяти.

Колька без запинки отбарабанил. Да если надо, он и обратно сосчитал бы, от десяти до одного.

— Молодец, Большаков. Очень хорошо ответил. Учиться, наверное, отлично станешь, на пятерки?

— У меня много пятерок будет! — пообещал Колька.

— Вот и прекрасно. Садись.

Колька весь класс победно оглядел и сел важно. Не фунт изюму — на первом же уроке учительница похвалила!

— Здорово ответил! — шепнула ему Любка.

— Да ладно!

Долго он гордился собой, до самой перемены, и все прослушал, чего Зоя Алексеевна объясняла.

На перемене Сенька Шапин плечом его толкнул, руки в карманы сунул и сказал:

— Выскочка!

— Сам выскочка, — ответил Колька. — Выскочил, а считать не умеешь.

— Погоди, погоди! — пригрозил Сенька. — Поплачь!

— Хоть бы ты не заплакал!

— Погоди, погоди! — повторил Шапин и ушел.

На втором уроке Колька опять плохо слушал, все пытался догадаться, чего Сенька задумал, и почти каждую минуту на Сеньку оглядывался. А тот руку поднял, встал и сказал:

— Зоя Алексеевна, Большаков вертится!

— Хорошо, разберемся. Садись. А ты, Коля, сиди смиренно и слушай.

«Ябеда!» — пронеслось в голове у Кольки. Не выдержал, толкнул Любку локтем, шепнул:

— Шапин — ябеда! Его побить надо!

— Ты сам и виноват! — ответила Любка тоже шепотом. — Зачем вертелся?

Когда звонок на перемену снова прозвенел, Колька взял за рукав Вальку Бобрикова и в угол отвел.

— Знаешь, Валька! — сказал он тихо, но строго. — Ябед всегда в школе били. А Сенька Шапин — ябеда, сам встал и нажаловался учительнице. Я после школы его бить буду, а ты следи, чтобы все по правилам, ладно?

— Ты его сильно бить будешь? — полюбопытствовал Валька.

— Чтобы запомнил!

Хоть и тихо они говорили, а все-таки Любка, которая рядом вертелась, услышала и загорячилась:

— Попробуйте, подеритесь! Сразу Зое Алексеевне скажу!

— Скажешь, так и ты ябеда будешь. Тогда и тебя побьем!

— Меня? — удивилась Любка, даже глаза круглые стали. — Ты — меня? Я тебе всю морду расцарапаю! «Ябеда!» — передразнила она. — Если бы Сенька тайком сказал, а он — при всех!

Другие ребята стали к ним подходить, и Валька Бобриков потянул его за руку:

— Пошли, звонок был!

Колька за парту сел, подальше от Любки отодвинулся, и она отодвинулась тоже, так, что Зоя Алексеевна заметила и сказала:

— Непонятно, кто на ком сидит, Большаков, — парта на тебе, или ты на парте?

И весь класс смеялся.

После уроков они с Валькой первыми из школы выскочили. Показался Сенька Шапин. Колька портфель на землю поставил и к нему:

— Стой, ябеда! Сейчас тебя бить буду!

— Вдвоем на одного, да? — протянул Сенька плаксиво.

— Говори, будешь ябедничать? — подступал Колька и стукнул Сеньку кулаком в живот.

— Не буду... — занял Сенька. — Чего дерешься-то?

— Смотри! В другой раз больше попадет!

— А я все видела, все видела! — вывернулась откуда-то Любка. — Скажу Зое Алексеевне! При всех скажу!

— Ну и говори! — обозлился Колька. — Пошли, Валька, отсюда! Ничего себе попался класс — одни ябеды!

Домой он расстроенный явился. Верно говорят: нельзя доверять девчонкам! А еще с зайцем ей играть позволял. Борькой его назвал, чтобы не обижалась. С ней как с человеком, а она...

ДЯДЯ МИША

Н е верилось Кольке, что Любка про драку скажет. А она на первом же уроке руку подняла и наябедничала.

— Дело серьезное,— заметила Зоя Алексеевна.— Но сейчас мы драку разбирать не будем. Большаков, Бобриков и Шапин останутся после уроков. И ты, Люба, останься.

На перемене Кольку и Бобрикова ребята окружили.

— Попадет вам! — посочувствовал Витька Лопин.

— Еще бы не попадет! За драку из школы исключают,— сказал Алик Самородов.

— А правильно и сделали,— вмешался боевой Юрка Бабкин.— Пусть Сенька не ябедничает! Ты не горюй, Колька! Если тебя из школы исключат, я эту Любку так вздую!..

— Любку не вздуешь,— вздохнул Колька.— Она царапается, как кошка.

Сколько ни утешали его ребята, на душе невесело было. Кто его знает, может, и правда за драку из школы выгоняют...

«Не везет мне в жизни! — горестно думал Колька.— К папке уехать хотел — не удалось. Топорную машину дядя Миша делать отказался. Заяц безухий в лес от меня убежал. А теперь вот еще из школы исключат... Эх, знать бы, так лучше бы не родиться!»

Страшно было после уроков оставаться, да ничего не поделаешь: назвался груздем, полезай в кузов. Сели они с Валькой Бобриковым на одну парту, а Любка с Сенькой на своих местах остались. Сперва Сенька всю историю рассказал, потом Любка, потом Валька Бобриков.

— Ну а ты что, Большаков, скажешь? Правильно ты поступил?

— Правильно! — ответил Колька.— Ябед всегда били.

— Драться вообще позорно, недостойно человека, а бить своего же товарища, который о тебе при всех правду сказал — вдвойне позорно. Вот Люба сегодня

о вашей драке рассказала. Она что, по-твоему, тоже ябеда?

— Ябеда! Ее тоже бить буду!

— Вот какой драчун в класс к нам пришел. Ну что ж, раз ты не понимаешь добрых слов, придется наказывать. Сперва матери сообщим, а потом на педагогический совет вызовем. Драчуны нам в школе не нужны. Перед Шапиным изволь извиниться. Иди и подумай над моими словами.

Вышел Колька на улицу. Хотел было Любку подождать, предательницу, леща ей хорошего отвесить, да отчего-то махнул рукой, побрел к дому. Не потому, что учительницы испугался, а потому, что Любка, хотя и ябеда, а все-таки дяди Миши дочка и рука на нее не поднимается.

«Выгонят из школы,— размышлял он по дороге,— пойду к дяде Мише на токаря учиться. Всяко возьмет. Проживу тогда и без вашей школы!»

О таком деле с дядей Мишей не мешало бы посоветоваться. И повернул Колька от школы не к дому, а совсем в другую сторону, к железной дороге.

Сияло на небе усталое солнышко, на березах за дорогой желтые листочки покачивались, а там и сизые рельсы блеснули. Огляделся по сторонам — поезда не видно нигде, перебежал через пути по переезду. К мастерским тянулись колеи, тяжелыми машинами укатанные. Нет-нет да и поднимал над ними пыль несильный осенний ветер.

Дядю Мишу Колька издали увидел: тот как раз из мастерской вышел и куда-то по делам направился. Заметил Кольку, подождал, поздоровался за руку.

— Ты ко мне?

— К тебе, дядя Миша.

— Опять машина какая-нибудь? — улыбнулся он. — Я в гараж иду, по дороге и поговорим.

— Нет, не машина, — вздохнул Колька. — А пом-

нишь, ты рассказывал, как в школе ябед били? У нас они тоже завелись, да мне же самому за них и попало...

Внимательно слушал дядя Миша Колькин рассказ.

— И Любка, значит? — хохотнул он. — Ну с Любкой я дома разберусь. А учительница ваша правду сказала: ябеда — это вроде доносчика, не при всех, а потихоньку нашептывает. Конечно, Сенька тоже неладно сделал; лучше бы на перемене при ребятах тебе все сказал, вот бы и помирились. Но драться из-за таких пустяков не стоит. Так ведь со всем классом передрааться да перессориться можно — чего хорошего?

— Из школы меня исключат, — пожаловался Колька. — Я тогда к тебе, дядя Миша, в ученики пойду.

— Не исключат, не бойся! Да и сам не очень-то задирайся. С классом дружно жить надо. Класс, брат, — он и судья, и заступник. Так что учись, к ребятам приглядывайся. За правду стеной стой, только разберись сперва, настоящая ли она, правда-то? Вот ты сейчас уперся, как бычок, а сути не понял. Выходит, не за правду воюешь, а за свой каприз. И с Любкой поссорился. Я надеялся, что вы с ней как брат с сестрой жить станете... Ну ничего, утрясется... Пока. Держи хвост пистолетом!

Веселее стало на душе после разговора. Вот человек, дядя Миша! Потолкуешь с ним — сразу понятно что к чему.

На следующий день, пока еще уроки не начались, залез Колька на парту и крикнул:

— Тише, ребята!

А когда замолкли все и головы к нему повернули, сказал:

— Неправильная у нас драка была. Не ябеда Сенька, и Любка — не ябеда, раз правду при всех сказали. Ты извини меня, Сенька! Думаешь, я учительни-

цы испугался, так извиняюсь? Тогда совсем ей про это не говори, пусть считает, что не извинился. А я просто знаю теперь, что драка неправильная. И если хочешь, Сенька, можешь меня сейчас один раз кулаком стукнуть!

— Ничего, Колька! — ответил Сенька, подходя к нему. — Я тоже виноват, коли так. Давай мириться!

— Давай! — ответил Колька и руку протянул.

Тут все громко зашумели и засмеялись. А когда Колька оглянулся, увидел, что в дверях стоит Зоя Алексеевна и тоже смеется.

ЧТО ЖЕ ТЫ НАДЕЛАЛ, ДЯДЯ МИША!

Незаметно пролетел сентябрь. Слякотно и сыро на улице, а на душе у Кольки — весна. Все наладилось в школе, помирился он с Любкой, теперь она с дядей Мишей чуть не каждый день в гости к Большаковым приходит.

А недавно случился важный разговор с мамой. Вечером включила она свет, задернула занавески и долго из угла в угол ходила. Потом на кровать присела и сказала незнакомым голосом:

— Иди, сынок, посиди со мной.

Кольке некогда было — интересную книжку с картинками рассматривал и читал по слогам, но понял, что спорить сейчас не стоит. Подбежал, сел рядом, прижался к матери.

— Нравится тебе дядя Миша? — спросила она.

— Больше всех! — горячо ответил Колька, потом подумал и добавил осторожно:

— Кроме тебя...

— И с Любой ты тоже дружишь...

— Она ничего. Заедаться только любит, а так — ничего.

— Что, если они с нами жить станут?

— Насовсем?

— Насовсем.

Колька задумался, помолчал. Потом спросил:

— А... папка? Не приедет?

— Нет, сынок, не приедет. У него теперь другая семья.

— Ладно, мам. Пусть переезжает дядя Миша.

Он — добрый...

Обняла его мама и крепко поцеловала:

— Умница ты у меня, сынуля... Родной ты мой!

— Ну хватит, мам, отстань, — сказал Колька сипло, вырываясь из рук. — Мне еще сказку дочитывать надо!

Ночью долго лежал Колька в постели с открытыми глазами. Конечно, дядя Миша — хороший, лучший друг. Да ведь теперь вместо отца будет. А отец у человека только один. Если бы папка вернулся! Нет, не вернется. За весь год одно письмо прислал. Не вернется, и мечтать нечего...

Как это дядя Миша с ними жить будет? Если натворишь чего-нибудь, заругается, значит? Нет, пусть молчит тогда. Пусть лучше мамка ругается. Зато на охоту ходить вместе станут, машины разные мастерить. Интересно, и боязно, и непонятно...

Заснул Колька измученный. А утром глянул в окно и обомлел: все бело было — и крыши, и улица, и заборы, и дальние поля; один лес за рекой еще чернел неровной пилой.

«Зима!» — обрадовался Колька. — «Ух, в снежки наиграемся! Бабу снежную слепим!»

— Барсик, Барсик! — позвал он.

Барсик сразу на кровать запрыгнул. Колька его за передние лапы поднял, прижал к оконному стеклу, чтобы зиму показать. Барсик зиму смотреть не стал, из рук вырвался и на кухню убежал...

После школы Колька так со снежной бабой увозился, что нитки сухой на нем не осталось. Начала мама кипятиться, ругать его, а он спросил:

— Мам, когда дядя Миша к нам переедет?

И она сразу притихла, ответила, помолчав:

— Мы к нему переедем. У нас места мало. На праздник, наверно, на Октябрьскую....

Тут дядя Миша — легок на помине — загромыхал в сенях, обивая сапоги от снега.

— Вот и мы дождались, Колюшка! — сказал с порога. — Охота разрешена с завтрашнего дня. Так что готовься, Надежда свет Петровна, дичь жарить.

— Дядь Миш! Ты обещал меня на охоту взять!

— А я от своих обещаний не отказываюсь. Только не завтра, попозже. В следующее воскресенье, добро? Завтра я на разведку схожу, посмотрю, кто где прячется.

— Ну-у-у,— разочарованно протянул Колька. — Так и совсем не дождешься!

— Дождешься, дождешься! — рассмеялся дядя Миша и взъерошил Колькины волосы.

Назавтра, в воскресенье, Колька целый день нетерпеливо в окошко поглядывал. Любка, которую мама вышивать учила, сидела себе тихонько в углу, иглой шила, то и дело спрашивая:

— Тетя Надя, а здесь как?

Кольке заняться нечем было. Слонялся, слонялся, саблю достал, почистил, ножиком зазубрины срезал, сунул на печку, чтобы подсохла, а то совсем в сенях отсырела. Тем временем в комнате стали тени сгущаться. Сперва незаметно, потом Любка уже и стежки различить не могла, свет включила.

«Пора!» — подумал Колька. Надел сапоги, надернул пальтишко — и на улицу, встречать дядю Мишу с охоты. Минут через двадцать показалась вдали знакомая фигура с ружьем за плечами. Колька навстречу.

— Ну как, дядя Миша? Убил кого-нибудь?

— Есть, есть кое-что. Пошли в избу.

В комнате дядя Миша рюкзак развязал и первым делом достал большую ветку с кистями желто-красной рябины.

— Это — тебе, — сказал он, протягивая рябину Любке.

— Это — нашей маме! — и подал маме большую черную птицу с красными бровями

— А это — нам с Колюшкой! — шутил он, вытаскивая из рюкзака шерстистого зверя.

У Кольки вдруг тревожно забилось сердце. Он не успел даже взять зверя в руки, как понял, что случилась беда. А когда ближе к свету поднес — вскрикнул: у зайца безжизненно висело всего одно ухо...

— Борька... — прошептал Колька, побелев, и вдруг не своим голосом завопил:

— Борьку! Борьку убил!!!

Уронив зайца на стол, Колька постоял мгновение, вокруг озираясь, будто защиты искал, а потом к печке рванулся. Никто не заметил, как оказалась в его руках сабля. Со всего плеча замахнулся Колька на дядю Мишу. Взвизгнула Любка от страха, дядя Миша улыбался еще, ничего не понимая, и только мать руку Колькину перехватила, саблю вырвала и тут же через колено переломила.

— Ты что, взбесился?!

Но Колька уже не слышал. В том же наряде, в каком встречал дядю Мишу, он стремглав вылетел в сени. Хлопнула наружная дверь. Любка плакала.

— Да что стряслось-то? — испуганно спросил дядя Миша.

— Видишь, зайца этого Колюшка весной в лесу нашел раненого. Вместе с Любой они его и выхаживали, можно сказать, от смерти спасли. Борькой он его звал. Потом убежал заяц-то, как поправился. Думали, те-

перь ученый, никому не поддастся, да вишь вот... — виновато говорила мать, поглаживая зайца по шерстке, которая еще не успела побелеть.

— Вот оно как, — сказал дядя Миша, схватил ружье и вышел.

Он долго бродил вокруг дома, останавливаясь на дороге, пока не расслышал тихий плач за поленницей у сарая. Здесь, скорчившись около бывшего заячьего домика, заливался Колька горячими слезами. Дядя Миша рядом присел, тронул его за плечо. Колька высвободился, отодвинулся сердито.

— Виноват я перед тобой, брат Колька, — тихо заговорил дядя Миша. — Да ведь кабы знал я про этого твоего Борьку, ни в жизнь бы ни по одному зайцу стрелять не стал. А оно видишь, как обернулось... Эх!

Дядя Миша вдруг резко поднялся, схватил ружье за стволы и, размахнувшись, зашвырнул его далеко в сторону.

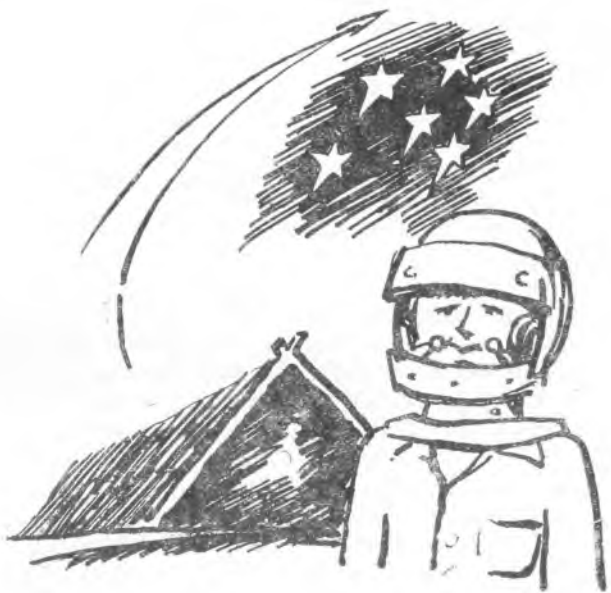
— Никогда в жизни, Колька, не возьму я больше в руки эту игрушку! Шутя, с радостью, можно сказать, Борьку твоего пристрелил, а сколько горя домой принес! Да ведь не только домой принес горе-то. Может, у поляша, которого стрельнул сегодня, тоже в стае горе горькое. Нет, все. Кончена стрельба!

Дядя Миша все еще глядел в ту сторону, где над чистым снегом, как черные пальцы, нависли стволы брошенного ружья.

— Будто шелуха какая с души у меня сейчас слетела. Как с луковицы. Годы идут, жалость теряем к живому, шелухой зарастает душа, а ведь неладно это! Простишь ли меня? — спросил он, опускаясь рядом с Колькой на корточки.

— Чего уж теперь... Ты не нарочно ведь... — всхлинул Колька, прижимаясь к нему плечом.

Дядя Миша обнял его, как сына.

Сказочный
шалаш

х, шалаш? Да еще — сказочный? Что, раскинута в нем скатерть-самобранка с тортом? Или принакрыт он сверху ковром-самолетом в полиэтиленовой упаковке? Может, не шалаш, а избушка на курьих ножках? Тогда все понятно: ходят туда косматый леший с зеленым водяным транзистор у бабы-яги слушать. Или еще какие страховидные чудеса, о коих слыхом не слыхано, коих видом не вида-но, творятся в сказочном шалаше?»

Вот так всегда. Не успеешь слово написать, а маленький всезнайка тут как тут: стоит себе, руки в боки, очки на лбу, готов критиковать до упаду. Ладно, дружок, отвечу тебе на все по порядку, да предупреждаю: не любо — не слушай, а врать не мешай.

Учти, шалаш как шалаш: три стенки из лапника, один вход. Не протекает: излажен под дремучей кроной старой-престарой ели. Просторен: втроем улечься можно и еще место для Шарика выкроится. Вырос шалаш не в глухом лесу, а на опушке по-над речкой, вся деревня Федоровка из него — как на сцене.

В общем никакой он не сказочный пока, и вообще только что на свет появился. Вон пионер Валя Соловьев еще одну дырку в стенке нашел и закрывает еловой лапкой. Друзья его Славик Кипелов да Боря Бурчалкин освобождают территорию от строительного мусора. Шарик тут же сидит, ушами от мух отмахивается.

— Все! — вытер пот Славик и первый занял новую квартиру. За ним — Шарик, за Шариком — Боря, за Борей — Валя. Будто буря закачала шалаш.

— Тише, черти! Сейчас все рухнет!

Шарик суматохи не выдержал, на улицу подался, сразу в шалаше просторнее стало, тише. И полезла в него со всех сторон грусть-тоска.

— Вот и лето проходит....— сказал Боря Бурчалкин. — А мы его, считай, и не видели. То на пришкольном участке, то на сенокосе в колхозе... Скука!

— Правда! — согласился Славик Кипелов. — Другие ездили куда-нибудь, путешествовали. Димка Толстопятов в Москву подался. Женька Белова с отцом в Прибалтику укатила. А мы все в деревне торчим, как кроты! Хоть умирай от тоски...

— Заныло похоронное бюро! — взъелся Валя Соловьев. — Да если хотите знать, можно и в Москве ничего не увидеть, если за мамину ручку держаться, по магазинам шастать. А можно и здесь наглядеться таких чудес — ахнешь!

— Сказанул! — не поверил Бурчалкин. — Это где — здесь? В шалаше, что ли?

— А хоть бы и в шалаше! Вы только представьте себе, что это не просто шалаш, а... Ну, скажем, кабина космического корабля!

— Представляй, не представляй, ветки все равно колются.

— Вовсе не ветки, а приборы, на которые ты улегся.

— Слушайте, ребята! — Славик сел и хлопнул Борю по плечу. — Давайте так и поиграем! Будто у нас не шалаш, а космический корабль, и летим мы со сверхсветовой скоростью в другую галактику!

— Далеко больно, — поежился Бурчалкин. — Мало ли там чего. Давай на Марс лучше...

— Эх ты, «на Марс»! — закипятился Славик. — На Марсе, если хочешь знать, давно все ясно. Нам обитаемую планету надо!

— Планету, где все не так, как на Земле, — уточнил Валя Соловьев.

— Как — не так? — удивился Бурчалкин. — Не придумашь, чтобы не так...

— Чего — не придумашь! — перебил его Славик. — Ты Соловья не знаешь, что ли? Спорим, что он уже придумал? Верно, Соловей?

— Как сказать... — загадочно протянул Валя.

И — решил:

— Ладно, запускай корабль!

— Ключ на старт! — рявкнул Славик.

— Стой, стой, Шарика забыли!

— Места мало! Пускай пока живет в шлюзовой камере. Летим!

— Ой! Ой-ой-ой! Ты чего щиплешься? — взвизгнул Бурчалкин, отталкивая Славика.

— Так ведь перегрузки начались!

— Я вот тебя так щипну, что из кабины вылетит!

— Всё-всё, Борька! Невесомость! Убери руки! Ну давай, Соловей, трави!

— Ну что, сами видите, летим. Два сверхсветовых года. Из подпространства вынырнули в неизвестной галактике, которую с Земли в самый сильный телескоп не разглядишь. Приборы показывают направление на звезду Синюю с большой планетной системой...

Уф... Надо передохнуть. Потому что присказка, как ты, дружок, понимаешь, кончилась и начинается

СКАЗКА ПЕРВАЯ,

рассказанная в шалаше учеником Слободской средней школы, пионером Валея Соловьевым

риборы показали направление на звезду Синюю с большой планетной системой. Включаю мозганализатор. Он выдает прогноз: для жизни

больше всего пригодна пятая планета. Выходим на круговую орбиту. На планете вижу два материка посреди океана. Материки покрыты растительностью. Предупреждаю, на планету будем высаживаться по очереди.

— Погоди! — заволновался Бурчалкин. — Надо ведь проверить, может, там и дышать нельзя! Может, там такие чудовища, что в два счета слопают!

— Хе, испугался! — возразил Славик. — А скафандры на что?

— Все равно сначала анализы берут всякие!

— Хорошо, — согласился Валя. — Запустим зонды-разведчики. Включаю... пуск! Мозг-анализатор сейчас выдаст результаты. Ого! Ничего себе планетка! Кислорода почти нет, вода для питья не пригодна, да и вообще там, кажется, не вода, а жидкость, которая в несколько раз легче воды. Плавать, стало быть, нельзя: не только дерево, перышко сразу утонет. А вот еще сообщение: растительность очень странная, выделяет ядовитые вещества. Хорошо, что у нас скафандры надежные.

— А какие? — снова забеспокоился Боря Бурчалкин.

— Во-первых, невидимые. Во-вторых, с мощной защитой, которую даже атомная бомба не пробьет. В-третьих, в них есть речеанализаторы-дешифраторы для двусторонней связи с местным населением. Кроме того аппарат для синтеза земного воздуха, пищи и питья. Забыл — еще излучатели такие, вроде пистолетов. Любую броню пробить могут. Хватит?

— Поживем — увидим...

— Тогда надеваю скафандр и сажусь в микроракету. Полечу вон на тот материк, который побольше.

— А ты чего, Валька, командуешь! — рассердился Славик. — Может, я хочу первый лететь?

— Пожалуйста! Если будешь оттуда передавать все, что увидишь. Мне еще лучше!

— Лети-лети, раз собрался,— сразу сдался Кипелов.

— То-то! — усмехнулся Валя и вылез из шалаша.

— Настройте свои приемники! — раздался его голос откуда-то издалека. — Приземляюсь. Или — припланечиваюсь? Прямо на берегу моря. Вылезаю из ракеты. Море белое, вроде молока. Сильный ветер дует и поднимает в воздух целые тучи воды... тьфу, жидкости этой самой. Сразу видно, что она легкая, чуть тяжелее воздуха. Деревья тоже не похожи на ияши, какие-то розовые, а вместо листьев штучки вроде колокольчиков. Лесу конца не видно, придется подлететь на микродвигателях скафандра...

— Внимание, внимание! Вижу следы жизни! Громадное белое здание с куполом, прямо в лесу. Перед ним широкая терраса из красных плит, а к морю спускаются каменные лестницы. Ни одной души вокруг. Вымерли они тут все, что ли? Лечу дальше. Ага, вон что-то шебуршится на полянке. Сейчас подберусь поближе. Я ведь невидимка, они меня не заметят.

Вот так фунт, не легче пуда! Я думал, что какие-нибудь чудища, а они — совсем как люди!

— Ты брось загибать, Соловей! — не поверил Кипелов. — Стоило в такую даль лететь! На людей и в деревне посмотримся.

— А что я сделаю, если похожи? Две руки, две ноги, голова. Глаза, правда, больно большие, чуть не с чайные чашки. Их тут пятеро. Копошатся вокруг какого-то аппарата. Интересная машина: широченная горловина расширяется книзу, вроде колокола, а на ней прозрачный купол. Сверху привинчено чего-то, похоже, рупор. Вот один открывает купол, как фонарь у самолета, внутрь лезет. Садится, двигает рычаги, не

иначе, ехать собрался. Смешно. Ни колес, ни крыльев, ни воздушного винта нет. Ого, как рванул рычаг...

За стеной шалаша что-то грохнуло и все смолкло.

— Ты чего? Рассказывай, раз взялся! — не выдержал Славик.

— Думаешь, больно просто? Тут такое творится, даже меня с моим сверхмощным скафандром в сторону откинуло! И понять ничего не могу. Аппарат сгинул, будто не было, а эти четверо на траве валяются.

Ну, чудеса! Из того места, где аппарат стоял, фонтан бьет, прямо гейзер этой «воды-не воды». Ракету они тут запускали, что ли? Если ракета, так люди-то зачем здесь терлись, как дурачки? Техника безопасности у них не на высоте, прямо надо сказать.

Наконец-то зашевелились. Трое поднялись, идут к четвертому, руками машут, разговаривают. Придется дешифратор включить, а то ничего не понимаю. Четвертый все лежит. По-моему, он того, концы отдал. Ну, деятели! Надо первую помощь оказывать, искусственное дыхание делать, а они трясут его, как коврик. И живой такой тряски не выдержит. Один, когорый повыше, на землю сел, лицо руками закрыл и вопит: — Смерть! Смерть!

Остальные стоят, только глазищами сверкают. Ага, снова заговорили. Плохо я их понимаю, но вроде посылают высокого докладывать о происшествии какому-то учителю. Высокий встает, идет по тропинке к зданию, мимо которого я пролетал. Двигаюсь следом, посмотрим, какие у них учителя.

— Врешь ты все! — проворчал Боря Бурчалкин. — Так не бывает.

— Эй, Фома неверующий, что за реплики? Лети сюда и проверь. Продолжаю передачу!

Здание странное какое. Вроде из камня, а без дверей, без окон. Высокий идет по лестнице прямо к глухой стене. Вот так раз! Вовсе она не глухая, оказы-

ается: отодвинулась и проход открылся. Ныряя следом за высоким. Коридоры разные кругом, тупики... Опять стена отодвигается. Комната небольшая, вокруг стен — диваны, посередине, похоже, пульт, а за ним старик сидит, сморщенный и лысый совсем. Все, пока отключаюсь. Послушаю, о чем толкуют, потом снова с вами свяжусь!

Умолк Валя Соловьев. Тихо в кабине корабля, только Шарик в шлюзовом отсеке со сна повизгивает, видно, мухи кусают.

— Ты что, уснул там? — не выдержал Славик. — Взятся за гуж, так не говори, что не дюж. Тоже мне, астронавт! Прием!

— Внимание! Внимание! — раздался снова голос Вали Соловьева. — Вызываю корабль! Как слышите меня?

— Да слышим, слышим! Прием!

— Передаю важное сообщение! Оказывается, я нахожусь в здешней Академии наук. Высокий парень, с которым я пришел, — один из ученых, а старик — чуть ли не президент всей Академии. Парня он чудно как-то называет, дешифратор переводит вроде как бы «Конструктор». Аппарат, который взорвался, этот самый Конструктор изобрел. Будь здоров, аппаратик! Уничтожает под собой притяжение планеты и может двигаться в любую сторону в Космосе, потому что концентрирует силу притяжения какого хочешь небесного тела. Нацелился на звезду, включил притягивающее устройство и лети себе, не кашляй. Только не сработало там что-то. Пилот, наверно, неправильно включил ориентационное устройство и сразу дал полный газ, так что не только сам аппарат стал притягиваться к Синей звезде, но и земля под аппаратом притянулась к нему, потеряла вес и вырвалась, как пробка из бутылки, — вот отчего фонтан на том месте появился.

Ну я тут не совсем разобрался. Однако понял, что все они смерти боятся; похоже, на планете никто и не умирает. Учитель как узнал про гибель того, в лесу, сам не свой стал, почернел весь, по кабинету забегал, ругается. Ты, говорит, понимаешь, что натворил! Аппарат опасный построил, ни с кем не посоветовался, человека угробил. Такого случая, говорит, с незапамятных времен не бывало. Отвечать, говорит, будешь, по всей строгости закона. Нажал на кнопку — стенка с одной стороны раздвинулась, два парня вошли с блестящими обручами на головах и увели Конструктора. Учитель ему сказал напоследок: соберем, говорит, общее собрание Академии, как оно решит, так и будет.

Все, сеанс окончен! Буду выбираться на корабль. Ждите!

Загудело за стенкой, залаял Шарик и в шалаш влетел Валя Соловьев.

— Потихе не можешь? — возмутился Бурчалкин. — Свяжись только с вами! Один щиплется, другой лягается!

— Да брось ворчать, Борька! Ну, как планетка?

— Нагородил ты, будь здоров! — откликнулся Славик. — Притяжение, аппарат какой-то, который взрывается, красные леса, «вода-не вода», Конструктор, Академия, Учитель... С ума спятишь! Ты бы еще инквизицию присочинил!

— А ты как думал? Мы не где-нибудь — на чужой планете! Конечно, все непонятно. Для того и прилетели, чтобы разгадывать. Пока что мне ясно одно: существует аппарат, которому никакая сила тяготения не страшна.

— Занесло тебя туда, сам не знаешь куда, — не поверил и Бурчалкин. — Так не бывает.

— Почему не бывает?

— Потому что потому! Не бывает — и все!

— Скептик ты, Борька. Ну да дело ваше: хотите — верьте, хотите — проверьте. А я налетался, пора козову идти встречать. Если желаете дальше загадки разгадывать, так бери ты, Славка, ракету, скафандр, дешифратор и шуруй на планету сам. Кстати, надо бы ей имя придумать.

— Планета Загадок! — предложил Славик. — Или еще лучше — Загадка! А ты, Валька, особо не фанснь. Подумаешь, напугал. И слетаю, и разберусь, не хуже тебя!

— Во-во, давай!

— Ничего у тебя не выйдет! — мрачно предсказал Бурчалкин.

— Посмотрим! То есть я посмотрю, а вы послушаете. Только чур, лечу на второй материк. С первым ты, Соловей, сам распутывайся.

...Прошли сутки. И опять космический экипаж в полном составе собрался в своем шалаше, чтобы послушать...

СКАЗКУ ВТОРУЮ,

рассказанную Славой Кипеловым после полета на планету Загадку

Дела у них там творятся! — начал Слава, улегшись поудобнее у стенки шалаша. — Я целую неделю шатался по второму матерiku. На нем только два государства остались, а была их целая куча, как в Африке, и воевали все с незапамятных времен. Это я у них в школе на уроке подслушал.

С одной стороны показалось, что народ там страшно отсталый, не знают даже, что такое колесо. Нет у них не то что автомобилей, а и обыкновенных телег. Передвигаются на животных с шестью ногами. Тяжести перетаскивают волоком. Воды пуще огня боятся,

никто близко к реке или к морю не подходит. Раз вода у них намного легче нашей, любой предмет сразу камнем ко дну идет. В общем им не до купанья. Пороха, взрывчатых веществ, ружей — ничего такого нет и в помине. Я даже подумал сперва, что они где-то на уровне каменного века. Потом смотрю — нет.

Цивилизация у них совсем другим путем шла, чем на Земле. Может, я и не все понял, но воевали они вроде бы с помощью травы и деревьев!

— Ну ты даешь! — сказал Бурчалкин. — Придумал — травой воевать! Загнул, Слава, признайся! Так сроду не бывает!

— Ничего не загнул. В травах загадовцы толк знают. Есть у них ядовитая трава, есть одурманивающая, есть болезнетворная, вдохнул аромат таких цветочков — и поминай как звали. Выведена быстрорастущая удушающая трава: посеют ночью вокруг деревни — к утру все ее жители за ядовитым забором, как смертники. Но это, так сказать, цветочки. Если хотите знать, у них целые леса для войны приспособлены. Не знаю, почему тебе, Валька, показалось, что они людей берегут. По-моему, живодеры те еще!

— Да ведь ты на другом материке Загадки был. Сам говоришь, что по воде они не плавают, по воздуху не летают, значит, полностью друг от друга отделены. Может быть, жизнь на материках по-разному развивалась...

— Проверим. Ну, короче, не понравились мне такие порядки. Взял излучатель, как пошел долбить ихние военные леса, только вьет!

— Стоп! Излучатель у тебя отбираем. Уговор — в дела планеты не вмешиваться, это любой Космический Устав запрещает — почитай фантастику. Нам-то ни к чему с ними воевать!

— Ладно, не буду воевать. А стоило бы! Рассказываю дальше. Побоялся я по материк, школы на-

доели, думаю, надо в столицу попадать, там побольше узнаю. Так и вышло. Дешифратор здорово помогал, а то бы мне век не разыскать службу безопасности Великой. Да, забыл сказать, страны на материке чудно называются, или дешифратор напутал, но одну гам зовут Великой, а другую — Могущественной. С претензиями аборигенчики!

Так вот, пробрался я в эту самую службу безопасности. Громадный домище, наполовину под землей. Отделов там — видимо-невидимо. Болтаюсь в своем скафандре, в один отдел загляну, послушаю, в другой. Дошло, наконец, что у государств на материке сейчас перемирие. Не потому, что надоело воевать, а просто равновесие сил наступило и каждая сторона новое оружие ищет. Сотни ученых сидят, выдумывают, чего похлеще. Кстати, Валь, ты прошлый раз телевизора не видел в Академии?

— Что-то вроде телевизора там было. Станок такой, с экраном.

— А в Великой я нигде ничего и похожего не нашел. Связь у них через военных птиц, вроде наших почтовых голубей. Я почему догадался? В одном из самых секретных отделов говорили, что вся надежда на шпиона, который отправлен на «Тот Свет» — так они второй материк называют. Откуда-то они, все-таки, про него знают. Этот шпион, по кличке Лихой, чудное дерево вывел. Из плодов его можно добывать тонкую прозрачную пленку необыкновенной прочности. Из пленки он смастерил что-то наподобие воздушного шара, который хотя в воздух и не поднимается, но и в загадочной воде не тонет. В таком вот шарике Лихой махнул через океан разыскивать Тот Свет. Задание у него одно: изучить технику, особенно военную, на другом материке, привезти секреты в Великую, а потом они с новым оружием начнут воевать против Могущественной. В этом месте министр, которому про всю

операцию докладывали, заволновался, с места вскочил, забегал, закричал:

— Сначала мы завоюем Могущественную! Постом Великой будет принадлежать вся Вселенная, включая Тот Свет!

И палец вверх поднял, а все остальные на колени бухнулись. Успокоился он, сел, ноги расставил, кивает, мол, валяйте, докладывайте дальше. Вот тут я про военных птиц и узнал. Оказывается, Лихой добрался-таки до второго материка, прилетела оттуда птица с письмом от него. Пишет, что добрался, шарик свой укрыв в надежном месте, сам проник в Академию, устроился на работу. Пока больших секретов не обнаружил, но напал на след интересного ученого-конструктора, который занимается проблемами притяжения и вот-вот создаст летательный аппарат. Лихой обещает в письме, что секрет аппарата в скором времени будет у него в руках, но сообщить о нем не сможет, пока сам не прибудет, потому что остальные две военные птицы у него по непонятным причинам сдохли. Просил еще направить ему в помощь сотню-другую людей на шарах.

После письма министр снова запсиховал, забегал, начал ругать своих помощников, что не могли наладить надежную связь. Потом распорядился срочно строить две сотни водяных шаров и отправить в них людей на помощь Лихому. Ну и я тоже психанул: ах ты, думаю, гад! Взял излучатель да как шарашну...

— Опять излучатель! Да нет его у тебя, нет, отобрали! А в общем кое-что проясняется,— сказал Валя Соловьев.— Готов спорить, что Лихой приложил руку к аварии аппарата. Не зря Конструктор сказал Учителю, что ничего понять не может: сам летал нормально, а друг разбился. В письме не говорится, где он спрятал свой пузырь?

— Написано только: «В надежном месте».

— Так... Значит, задача номер один для нашего экипажа: разыскать укрытие Лихого. Задача номер два — узнать его планы на ближайшее время. Предупреждаю еще раз: Космический Устав запрещает вмешиваться в дела планеты. Только изучать. Разведка на сей раз поручается Бурчалкину. Бери скафандр — и в ракету.

— Да не смогу я, ребята! — взмолился Бурчалкин. — Мне век такого не придумать, что вы тут насочиняли!

— Дезертирство и трусость в космическом почете караются изгнанием из экипажа! — предупредил Славик Кипелов. — Мы летали? Летали! Теперь твоя очередь. А не полетишь на Загадку — в шалаше не появляйся!

— Ладно, — смирился Боря. — Я вам на этой Загадке таких делов наворожаю, сто лет не расхлебаете. Только собираемся послезавтра. Завтра сено с отцом грести будем...

Наступил условный день, и снова весь экипаж корабля в шалаше собрался. Помялся, помялся Бурчалкин и начал

СКАЗКУ ТРЕТЬЮ,

о том, как пионер Боря Бурчалкин не справился с заданием на планете Загадка

е выполнил я задание...

— Как так?!

— Да вот так. Вам полдела, ракета у вас, как велосипед, куда захотел, туда и поехала. А меня не слушается ни фига. Крутился, крутился вокруг вашей Загадки, никак приземлиться не могу. В океан садиться — гиблое дело; сами говорили, что в нем даже человек тонет, а с ракетой булькнешь и лежи на дне, счи-

тай рыбешку. Ну, худа без добра не бывает. Нашел я в океане островок в самое то время, когда разобрался, как эту проклятую ракету сажают. Взял и сел на островок, потому что болтаться между небом и землей не больно интересно.

— Погоди, погоди! — перебил Валя Соловьев. — Мы ж никакого островка не видели ни из Космоса, ни с орбиты. Ишь ты, хитрюга!

— Глядеть надо лучше, — огрызнулся Бурчалкин.

— Ну островок, а дальше? — строго спросил Славик.

— А чего дальше? Вылез из ракеты, шел, шел, смотрю — ручей.

— Прямо-таки ручей?

— Ручей.

— И что ты стал делать?

— Что, что... Удочку, вот что!

— Во, дает. А зачем удочка?

— Рыбу ловить.

— Ну и как?

— Нормально. Я ветку от красного дерева отломил, жилку привязал вот эту, я ее всегда в кармане таскаю, червей накопал...

— Ты ври да не завирайся! Какие могут быть черви на Загадке? — не выдержал Валя Соловьев.

— Какие, какие... обыкновенные, красные. А будете перебивать, так и рассказывать не стану.

— Ну-ну, слушаем...

— Только закинул — окунь! Вот такой! — Боря развел руки на полметра.

— Ой, не могу! — захохотал Славик. — Окунь, говоришь?

— Окунь...

— В другой галактике?

— Может, и не окунь, только похож. Зеленый с черными полосками.

После этого Боря долго молчал. Кипелов не вытерпел:

— А потом?

— Потом клевать перестало.

— И ты дальше пошел?

— Ага.

— Ну, а там?

— На поляну вышел, дом увидел.

— Какой еще дом?

— Обыкновенный, с окнами, с трубой.

— Из трубы дым валил?

— Не... Печка не топилась.

— Та-ак... Ты, значит, в дом зашел?

— Что я, дурак, что ли? Сел в кустах, стал наблюдать. Потом человек вышел.

— Из дома?

— Ну да, из дома. Пошел к ручью.

— А ты?

— А я — за ним.

— Что же он у ручья стал делать?

— Что, что... Рыбу ловить.

— Тьфу! Окуней, да? — Кипелов вскочил так, что весь шалаш ходуном заходил.

— Тише ты, с орбиты сойдем! — дернул его за рукав Валя, давясь от смеха. — Рассказывай, Борь!

— Ну это, у него тоже клевать не стало. Дальше пошел. А там аппарат.

— Какой аппарат?

— Да про который Валька рассказывал: одна горловина в земле, другая вверху, а посередке шарик стеклянный.

— Ого, вот это новость! — удивился Валя. — Выходит, не взорвался аппаратик! И пилот цел! Интересно... Давай дальше.

— Ну, он покрутился около аппарата — и домой. Подходит, а навстречу ему это... другой человек. Стали

разговаривать. Я не все понял, только догадался, что второй — сам Конструктор и есть.

Ребята даже рты раскрыли от удивления: ай да Боря! Первым опомнился Славик:

— Погоди, как же так? Ведь летательный аппарат один всего был? Как тогда Конструктор на остров-то попал, святым духом, что ли? По океану плыть ему не на чем было, по воздуху тоже... Не сходятся у тебя, Бурчалкин, концы с концами!

— Откуда я знаю! Только он друга своего ругал и сказал, что больше век в аппарат не пустит. Они аппарат этот ремонтировать собирались.

— Еще что видел?

— Да ничего. Побоялся, что окунь испортится. сел в ракету — и домой.

— Да... Натворил ты дел! Как только теперь расхлебываться будем, — покачал головой Валя. — Придется мне еще раз в Академии побывать, разузнать...

— А у меня предложение, — вклинился Славик. — С этого дня Бурчалкин пусть корабль сторожит. На планету его пускать нечего, а то он в следующий раз там крокодила поймает!

— Подумаешь! — пожал плечами Боря. — Вы-то кто? Исследователи кислых щей. Сказочки только и рассказываете, а у себя под носом ничего не замечаете.

— Как так — не замечаем? — нахмурился Кипелов.

— А так...

— Скажи, скажи, раз начал!

— Вот тебе и «скажи»! Нюрку Быстрову видел сегодня?

— Видел в гробу в белых тапочках твою Нюрку!

— А я видел. Опять с утра ревет.

— Из-за отца? — спросил Валя Соловьев.

— Конечно! Быстров не просыхает, а думаешь ей приятно с пьяным-то каждый день возиться?

Ребята пристыженно замолчали. И верно, не пионерски вроде получается. Они тут сказки сочиняют, а человек мучается и конца его мучениям не видеть...

— А знаете что! — вдруг громким шепотом сказал Валя Соловьев. — Что, если...

Сверху в шалаш крепко стукнула намокшая еловая шишка.

— Согласны? — спросил Валя Соловьев. — Тогда слушай мою команду! Исследования на Загадке временно прекращаем. Защита корабля пробита могучим метеоритом. Объявляется аврал на неопределенное время. Обязанности всем понятны?

— Понятны! — в один голос отозвались ребята.

* * *

Вот так, дружок. Ничего не поделаешь: аврал есть аврал, сказка есть сказка, а жизнь есть жизнь. Давай-ка и мы с тобой сделаем перерыв, чтобы узнать в это время про

УДИВИТЕЛЬНЫЕ И НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЕТРА БЫСТРОВА, ТРАКТОРИСТА КОЛХОЗА «ВОЛНА»

ЗАТОЧЕНИЕ

Тракторист Петр Быстров считался пьяницей со стажем. Жена Настасья звала его горьким, председатель колхоза «Волна» Иван Иванович — неисправимым, продавщица сельпс Авдотья Керосинщикова — забуддыгой. Приятели в глаза величали Петра Рюмашкиным. Для соседки Дарьи Быстров был пьяницей круглым, а для соседки

Марьи, — последним. И только у дочери Нюры не находилось прозвища отцу. Она просто ревела каждый вечер, когда Быстров, шатаясь, с криком и песнями вваливался в дом.

В то злосчастное утро Петр Быстров проснулся поздно. Лежал он на полу возле печки, и открывать глаза, чтобы посмотреть на белый свет, ему не хотелось. Из комнаты и со двора не доносилось ни звука. Приоткрыв один глаз, так что на обросшем рыжей щетиной лице образовалась щелочка, Петр покосился на часы. Татарские стрелы циферблата вонзились в белые цифры 6 и 10. До открытия винного отдела оставалось полтора часа.

Быстров вяло провел рукой по мятому пиджаку — во внутреннем кармане зашелестели остатки вчерашней полочки.

«Поживем еще!» — подумал он, снова впадая в дремоту. — «Полтора часа только перетерпеть...»

Ровно через час Петр разболтанным шагом поспешал к магазину. Его длинные руки работали, как шатуны локомотива. Ноги сами собой прибавляли ходу. Скоро Быстров стал похож на тощего марафонца в конце дистанции. Ему хотелось опохмелиться.

— Дядя Петя! — раздался приглушенный мальчишеский голос.

Петр, словно споткнувшись, остановился и подозрительно уставился на кусты малины в Дарьином огороде, откуда донесся голос.

— Дядя Петя, стой! — продолжал невидимка.

— Некогда! — отмахнулся Быстров.

— Дядя Петя, мы там водку нашли!

— Где?! — встрепенулся Быстров и поднятая его нога описала полукруг к огороду, как ножка циркуля.

— Там... В старой конюшне. Мы играли, а в углу, под сеном, как звякнет! Посмотрели: две бутылки

полные, нераспечатанные. Хотели в магазин отнести..

— Еще чего! — гаркнул Петр.— Ты что, Быстрова не знаешь? Быстров им примененье найдет! А ну, шагай сюда, показывай!

— Да вы сами отыщете, дядь Петь! Они в углу там, под сеном!

— А не врешь? Ну-ка выйди, покажись, а то я тебя по голосу что-то не признаю...

— Мне — что! Хотите — верьте, хотите — проверьте. В магазин отнесем тогда...

Быстров сдвинул рукав мятого пиджака, поднес часы к глазам. Было без двадцати одиннадцать. Он почесал грязными пальцами свалывшиеся вихры на затылке, крикнул и грозно сказал:

— Проверим. Но смотри!

И, повернувшись на девяносто градусов, марафонским шагом понесся за деревню, к заброшенной конюшне. Добежав до ворот, воровато оглянулся кругом, нырнул в пахучие сумерки. Ворота за спиной противно скрипнули. Проскрежетала ржавая задвижка.

— Эй, кто там! — крикнул Быстров.— Ты мне эти штучки брось! Догоню — ноги выдерну, спички вставлю! Открывай!

— Сиди, сиди! — раздался снаружи зловеющий голос.— Счастливо опохмелиться!

Петр взвыл. Схватил валявшийся под ногами черенок от вил и что есть духу стал колотить в запертые ворота. Черенок с треском переломился. Руки дрожали. Ноги тряслись. Быстров присел на обломки лошадиного стойла.

«А может, они верно тут?» — пронеслось в голове.— «Может, стоят, родимые, в углу под сеном?»

В углу Петр наткнулся на кучу слежавшегося навоза. В другом — солнечный луч залез через щель в

стене: на полу пустота и затхлость. Охая, держась за голову, Быстров стал пробираться вдоль стены по прогнувшимся половицам. Споткнувшись, он рухнул на кучу старого сена. При этом в куче что-то негромко звякнуло, а в лицо ударила волна едкой пыли. «Нашел!» — громовым разрядом треснуло в голову Быстрова. Он оглушительно чихнул и, как собака, почуявшая мышь, кинулся разгрести сено. На полу лежал обрывок цепи, которой когда-то привязывали лошадей к стойлам. Поминутно чихая и ругаясь, Петр растряс сено по клочку. Бутылок не оказалось.

— Обманули, гады! — обреченно завопил Быстров, и с разбегу бросился на дверь конюшни. Старая дверь крякнула, но не поддавалась...

Часы показывали двенадцать. Уже целый час белохалатая Авдотья Керосинщикова торговала прозрачной отравой, и мысль об этом придала Петру новые силы. Он вспомнил, что в потолке конюшни должно быть отверстие, через которое сваливали вниз сено. После долгих поисков отверстие объявилось, плотно забитое сверху досками. Выхода из заточения не предвиделось.

Сдавшись на милость неизвестных тюремщиков, Петр сгрудил разбросанное сено и лег.

— Ап-а-пчхи! — прогремело в конюшне.

Обессилен от чиханья и ругани, Быстров махнул на все рукой и задремал. Разбудили его мягкие, крадущиеся шаги по потолку.

— Эй, вы! — крикнул Петр. — Открывайте ворота! А то — смотри!

Шаги затихли.

— Думаешь, не знаю кто? — не унимался Быстров. — Знаю!

Над головой негромко хихикнули.

— Открой, слышь! — изменив тактику, дружелюбно заговорил узник. — Друг! Бутылку поставлю!

В ответ на потолок противно зашипело и металлический голос произнес:

— Внимание, внимание! Говорит космический штаб борьбы с пьянством. Передаем лекцию о вреде алкоголизма специально для Петра Быстрова. Внимание, внимание! «Тяга к алкоголю начинается чаще всего незаметно как для окружающих, так и для самого пьющего. Сначала «облегчающее» действие алкоголя обнаруживается при случайных выпивках, потом человек, склонный к алкоголизму, начинает искать «случай» и сам создавать их»*.

Быстров обалдело смотрел в потолок, с которого доносился странный металлический голос. Не веря ушам, он потрогал голову руками. Голова была на месте и болела по-прежнему. Вдобавок он вдруг отчаянно чихнул. А голос сверху вещал:

«Чем больше длится злоупотребление алкоголем, тем больше меняется и характер опьянения, и самочувствие человека...»

— Ап-п-пчхи!

«...теряется контроль за количеством выпиваемого,— алкоголик не знает, сколько он выпил, «довольно» ему или нет. Уступая сильному влечению, он пьет, пока есть запасенная водка или деньги...»

Услышав напоминание о водке, Быстров пришел в ярость. Нашарил в темноте обрывок цепи, запустил его в потолок, немилосердно ругаясь. Отскочив от потолка, цепь больно стукнула его по колену. Металлический голос с потолка бесстрастно бубнил:

«Человек пьет не только вечером, а в любое время, особенно по утрам, когда надо «опохмелиться». В этот период заметны его явное моральное падение и другие симптомы алкогольной деградации...»

---

* Здесь и далее цитаты из книги П. Н. Ягодки «Жизнь в мире неведомого» (Беседы психиатра). М., «Сов. Россия», 1970, сс. 138—139.

— Ап-п-пчхи!

«С тех пор, как у человека после выпивки появляются признаки похмелья, или с того времени, когда он перестает помнить, что с ним происходит во время опьянения, его следует считать хроническим алкоголиком...»

— Как бы не так! — громко возразил Быстров, невольно прислушиваясь к «лекции». — Открывайте!

Наверху что-то негромко щелкнуло и уже другой, не металлический голос спросил:

— Будешь пить?

— Буду! — стукнул Быстров кулаком в стену. — Ап-п-пчхи!!

На таинственный голос его ответ не произвел никакого впечатления. Через минуту его обладатель снова задал вопрос:

— Будешь пить?

— Опохмелюсь только! — схитрил Петр.

— Будешь пить?

— Не буду, не буду, открывай двери-то!

— Будешь пить?

— Ап-п-пчхи!

— Будешь пить?

— Ну, зараза! Ну, я тебе покажу! — закружился Петр в конюшне, ища чего потяжелее.

— Будешь пить?

Быстров рвал и метал. Он швырял в потолок цепь, сломанный черенок вил, сгнившие обломки досок, старую веревку и даже клочок прелого сена, отчего расчихался еще сильнее. А вкрадчивый голос, как заведенный, каждую минуту спрашивал:

— Будешь пить?

Петр выдохся. Он рухнул на сено и заткнул уши. Но голос ничем нельзя было заглушить. Наконец опять донесся щелчок и вслед за ним — тихое шуршанье.

«Пленку перематывают» — догадался Быстров. — «Магнитофон приспособили, дьяволы! А если и вправду — дьяволы?»

Шуршанье смолкло и снова прогремел металлический голос:

«Внимание, внимание! Говорит космический штаб борьбы с пьянством. Передаем лекцию о вреде алкоголизма специально для Петра Быстрова».

«Вишь, — космический! — струсил Петр. — Неспроста это! Неужто лунные черти до меня добрались?»

— Караул! Спасите! — завопил он. — Ап-п-пчки!

...В то время, когда похмельный узник томился в заточении, в другом конце деревни, а именно в сельповском магазине, произошло другое удивительное событие. Из конторы сельпо, что была на втором этаже, спустилась счетовод Сима Страхова и тихо шепнула продавщице Авдотье Керосинщиковой:

— Тебя к телефону! Из района звонят...

— Бегу, бегу! — заторопилась Авдотья. — Симочка, побудь тут пока за меня!

Запыхавшись от подъема по крутой лестнице, Авдотья схватила трубку:

— Але! Слушает Керосинщикова!

Незнакомый металлический голос в трубке строго сказал:

— Здравствуйте, Авдотья Семеновна! По нашим сведениям, к вам выехал ревизор. Особенно следите за распорядком торговли спиртным. После семи — чтобы никому! Особенно не рекомендуем торговать на дому. Учтите!

— Да что вы, да я и так никогда никому, вот ей богу! — зачастила Авдотья, но голос в трубке холодно обрезал:

— До свидания!

Послышались короткие гудки. Керосинщикова осторожно, будто хрустальную, положила трубку и на секунду прижала ладони к ярко вспыхнувшему щекам. Потом метнулась к двери, прогрохотала по лестничным ступенькам. Ворвавшись в магазин, Авдотья крикнула единственному покупателю, бабке Дарье:

— Ревизия!

Перепутанная бабка засемила к выходу. Авдотья молниеносно выдворила Симу, схватила хозяйственную сумку и большой ржавый замок. Скоро замок красовался на двери магазина, а Керосинщикова галопом мчалась к своему дому, где в тайнике, под лестницей на чердак, хранилось одиннадцать бутылок водки. Двенадцатую она продала Семену Журавлеву прошлой ночью.

— Только бы успеть, господи, только бы успеть! — бормотала, задыхаясь, Авдотья.

Славик Кипелов, обладатель металлического голоса, смотрел ей вслед и загадочно улыбался. Он только что выскользнул из окна учительской. Нехорошо, конечно, лазить в учительскую во время летних каникул, но как быть, если в деревне больше нет места, откуда можно позвонить по телефону без свидетелей?

МИСТИКА

Петр Быстров много раз прослушал антиалкогольную лекцию, поспал и даже пробовал петь песни в те короткие промежутки, когда уставал чихать и ругаться. Солнечный луч давно исчез из щели в стене, теперь солнце светлым снопом вваливалось через отверстие над воротами. Время приближалось к девятнадцати ноль-ноль.

— Хулиганы проклятые! — ворчал Петр. — Выбра-

ли местечко, куда заманить! Хоть закричишься, никто не услышит! Дьяволы!

«Неужели не выпустят?» — пронеслось вдруг у него в голове. — Да ведь это... убийство ведь это!»

Он живо представил себе, как помирает голодной смертью на куче прелого сена, как заходит в конюшню председатель Иван Иванович и то ли с грустью, то ли с облегчением говорит:

— Отмаялся Петр Быстров...

Потом положат его в гроб и закопают. И друзья-собутыльники соберутся у могилы, выпьют, а может, даже выльют водку из стаканчика на землю:

— Это — Петру. Любил ее покойничек...

Быстров еще раз громко чихнул и заплакал, размазывая слезы по щетинистому лицу. Жалко стало себя.

Кто-то завозился у двери. Щелкнуло. Заскрежета-ло. Петр на цыпочках подкрался, заглянул в щель. Никого. Толкнул дверь рукой — она открылась с противным скрипом. Быстров выпрыгнул наружу, как заяц из-под куста. Вокруг конюшни было пустынно. Солнце укоризненно плыло в закат. Буйно зеленела крапива. Трещал утомленный кузнечик.

Петр обошел конюшню. «Тюремщики» скрылись без следа, как призраки.

«В уме ли я? — испуганно подумал Быстров и снова потрогал голову, которая не переставала противно ныть. — Поправиться надо. Один выход».

Согнувшись, как вопросительный знак, он побрел к магазину. Время от времени с опаской оглядывался назад. Призраки не показывались.

Авдотья Керосинщикова встретила Петра с неприступным видом.

— Дуня, — просительно зашептал он. — Надо бы...

— После девятнадцати не торгуем! — дикторским голосом ответила Керосинщикова.

— Дунечка! — взмолился Быстров. — Последний раз, ей богу!

Авдотья не видела его в упор.

— Выручи, а?

— Вам русским языком сказано, гражданин! После девятнадцати не торгуем. Ходят тут забулдыги всякие, а у человека, может, ревизия.

— Да одну только, Дунечка! Никто и не увидит!

— Освободите помещение, гражданин!

— Эх! — горестно махнул рукой Петр. — Вот невезуха так невезуха!

Сутулясь и кашляя, он побрел через всю деревню к берегу речки Каменки. Солнце скрывалось в растрепанных облаках. Мир окрашивался черной тушью. Жить не хотелось. Вдруг Быстров замер, как легавая в стойке. С берега Каменки, от склада с удобрениями, доносились громкие голоса. Прокуренный бас мог принадлежать только одному человеку в деревне — закадычному приятелю Семке Журавлеву. Быстров мгновенно ожил и выпрямился. Из вопросительного знака он неуловимо превратился в знак восклицательный. Упругой походкой приблизился к складу и завернул за угол.

— А... Рюмашкин! — не то с радостью, не то с сожалением пробасил Семен. — Давай, присаживайся за компанию.

На бревне рядом с Семеном восседал колхозный бухгалтер Андрей Завитушкин. Он общарил взглядом тощую фигуру Петра и сообразив, что бутылки у него нет, нахмурился. Перед приятелями, словно скатерть-самобранка, раскинулась газета. На ней в живописном беспорядке разместились пучки зеленого лука, свежие огурцы, куски хлеба и открытая банка кильки. Водку друзья пили по очереди, из одного стакана. В бутылке оставалось чуть меньше половины.

— А я хотел взять, — смущенно проямлил Петр,

присаживаясь на корточки перед газетой, — да Дунька как с цепи сорвалась. Не дам, говорит, после семи. Ревизия, говорит.

— Коли ревизия — не даст! — хохотнул Семен. — Ладно, на вот, глотни!

Он налил Быстрову полстакана, спросил:

— Чего тебя сегодня весь день не видно? Пахал, что ли?

— Тебе бы так попахать! — огрызнулся Петр, принимая стакан дрожащей рукой. — Тут, брат, такая история, что ой-ой... Мистика прямо...

Он не успел договорить. Откуда-то сверху на собеседников густым водопадом обрушился поток белой пыли. На минуту они исчезли в едком облаке, из которого раздалось тройное:

— Ап-п-пчхи!!

Приятельки вскочили и отбежали от стены склада, ошеломленно глядя друг на друга. Все грое были похожи на мельников после смены. Быстров все еще держал в руке стакан, содержимое которого напоминало теперь густой раствор извести.

— М-мистика... — пробормотал Петр, заглядывая в стакан.

— Заразы! — грохотнул басом Семен Журавлев. — Это ж они с крыши мешок удобрений высыпали!

Все трое уставились на пустынную крышу склада. Потом перевели глаза на газету. Скатерть-самобранка представляла унылое зрелище. Сквозь толстый слой удобрений сиротливым холмиком прорезывалась банка кильки. Из опрокинутой бутылки вылились последние капли. Издевательски торчало вверх побелевшее луковое перо.

— Ну, погоди! — бросаясь за угол склада, прорычал Семен, словно Папанов в знаменитом мультфильме.

— Окружай! — прошептал Быстров онемевшему

Завитушкину и со стаканом в руке побежал к другому углу. Набрал скорость, он смаху налетел на Семена, выплеснув ему на грудь смесь водки с удобрениями. От столкновения друзья вновь окутались редким пылевым облаком.

— Стой!— заорал Семен, хватая Петра за плечо.— Попался, мошенник!

— Брось! Отпусти! Ослеп?

— Ух ты, зараза!— остыл Семен.— А энти где?

— М-мистика...— вырвалось у Быстрова.

— Я те дам мастику! Ищи!

Они вместе заглянули в склад, у которого не было дверей. Мешки с удобрениями лежали плотно, спрятаться там было негде. В поиски включился и Завитушкин, то и дело отряхивая от едкой пыли свой галстук.

Следов не было.

Солнце скрылось за горизонтом.

— Ну, это... пойду я, значит...— сказал протрезвевший вдруг Завитушкин.

— Куда?— уныло спросил Петр.

— Это... домой...

— Пропал вечер! Ну, погоди!— снова прогремел Семен папановским голосом и, сняв пиджак, с размаху ударил по углу склада. Удобрение взвилось белым столбом. Быстров грустно покачал головой и спустился к реке — мыть стакан.

— И денег нет как назло,— пробасил Семен, когда умытый и отряхнутый Быстров поднялся к складу.

— Есть деньги!— вполголоса сказал он, опасливо оглядываясь.— Сорок рублей. Да взять-то негде...

— К Дуньке пойдем!

— Ревизия...

— Верно,— задумался Журавлев.— Стоп. Идея. К Дарье надо.

— Не даст,— Петр безнадежно шмыгнул носом.

— Пошли! Я один ход знаю. Тактический.

Они сосредоточенно зашагали по деревенской улице. Сгущались сумерки. У клуба гомонила молодежь. Звезды многообещающе подмигивали с фиолетового неба. Весело усмехался молодой месяц. Пахло пылью и удобрениями.

Семен смело отворил Дарьину калитку, взбежал на крыльцо.

— Кто там в такую пору? — послышалось за дверью.

— Открой, тетушка, это я, Семен!

— Чего тебе, батюшко? — приоткрыла дверь Дарья.

— Выручай, сделай милость! Гости, понимаешь, приехали, а Дунька не отпускает, ревизия, вишь у нее.

— Что ты, родимой, да какое у меня вино? — зашамкала бабка, второй раз за день испугавшись незнакомого слова «ревизия». — Сроду у меня вина не бывало...

— Экая оказия! — почесал затылок Семен. — И верно, мне ведь Марья сказывала, что у Дарьи сроду не бывало...

— Марья? Марья тебе скажет! — обиделась бабка Дарья. — У самой никакого запаса, дак рада и всех охаять! Ишь чего выдумала: «У Дарьи сроду не бывало!» Есть деньги-то?

Петр уже держал наготове пятерку. Бабка подозрительно ощупала ее, поглядела сквозь бумажку на ухмыляющийся месяц и юркнула в сени. Вскоре Петр ощутил в руке заветное горлышко.

— Айда! — обрадовался Семен. — Сейчас ко мне. С грядки луку нарвем да на бережок! стакан-то взял?

— А то как же! — похвастал Петр, отставил руку с бутылкой в сторону и доставая другой рукой стакан из кармана. — Вот он, целенький...

Дзинь...

После резкого щелчка Быстров почувствовал, что тяжесть в левой руке исчезла. Он ошарашенно под-

нес к глазам горлышко разбитой бутылки. Острые его края искрились под луной. На земле расплывалось темное пятно.

— М-мистика... — прошептал Петр побелевшими губами.

— Свяжись с тобой! — плюнул под ноги Семен. — Одно слово — Рюмашкин!

Круто повернувшись, он размашисто зашагал прочь.

Петр долго еще топтался на месте, разглядывая злополучное горлышко, пока из кустов огородной малины не донесся знакомый шопот:

— Будешь пить?

Вскрикнув, Быстров кинул горлышко в кусты и сломя голову побежал домой. Хватив ковш холодной воды и торопливо раздевшись, он тихонько прилег на раскладушку в сенях.

Спал Быстров плохо. Снился ему лунный дьявол с длинным красным языком. Дьявол без конца кривлялся и ехидно спрашивал:

— Будешь пить?

Его голос очень походил на голос Вали Соловьева. Но разве запомнишь голоса всех деревенских мальчишек?

ДЬЯВОЛ БРОДИТ ПО ДЕРЕВНЕ

роснулся Петр рано. Было ему нестерпимо стыдно. От стыда хотелось забраться под раскладушку, как клопу в щель. «Настя встанет, ругаться начнет, — невесело пронеслось в голове. — А Нюрке-то как в глаза погляжу после эдакого запоя? Нет, на работу бежать — один выход!»

Он наскоро оделся. Не умываясь выпил литровую банку молока, которое остужалось в сенях, и краду-

чись, без скрипа отворил дверь на крыльцо. Утро только-только занималось. Солнце еще не вылезло из-за ближнего леса. Над Каменкой пластался туман.

«Вот и ладно, — подумал Петр. — Побольше вспашу, так вчерашний-то прогул, может, и не засчитают».

Скоро за деревней, перебивая петушинные голоса, бодро затрещал трактор.

Пахал Быстров красиво. У редкого тракториста получались такие ровные и чистые полосы, про которые сам агроном Удальцов говаривал: «Будто перину взбил Петро!» Сегодня он пахал под озимые, и дело ладилось, пока не пригрело солнышко. Около десяти утра Петр почувствовал знакомое беспокойство и томление. Время от десяти до одиннадцати часов он провел в мучительных сомнениях. Выпить не то чтобы уж очень хотелось, нет, брала обида за вчерашнее сидение в конюшне. А от пиджака все еще пахло удобрениями...

«Кто бы такое мог подстроить? — размышлял Быстров. — Нюрка? Где ей, тихоне! Ребятишки? Может, конечно, и ребятишки. В конюшню-то меня пацан заманил. Зато «лекцию» читал вроде мужчина. А «будешь пить?» — голос будто женский... У склада и следов не нашли. Дарьина бутылка ночью разбилась ни с того ни с сего...»

— М-мистика... — покачал он головой. — А ну как и правда, дьявол в дело вязался? Не дай бог!

Без десяти одиннадцать Петр подогнал трактор к березовой роще на краю поля и заглушил его.

«Лучше проверить, чем мучиться. Ежели только вчера такое наваждение — ладно. С похмелья чего не бывает. А ежели и сегодня чудеса не кончатся, тогда уж вовсе неладно. Тогда выход один — лечиться. Раз дьявол казаться стал, больше делать нечего... Ну а теперь пора в магазин!»

Так хитроумно решил Быстров вопрос «пить или

не пить». Получалось, что за бутылкой он пойдет не для того, чтобы напиться, а чтобы провести опыт. Наука, как говорится, требует жертв. Петр обтер руки ветошью и, ступив на гусеницу, прыгнул на землю.

Не оглядываясь, он поспешил к деревне. Ах, Петр, Петр! Ну что тебе стоило оглянуться? Может, и не понадобилась бы тогда бутылка для опыта и цела бы осталась пятерка, которой так не хватает сегодня Насте! И вообще вся жизнь пошла бы по-старому, без приключений. Потому что в это самое время вышли из рощи Валя Соловьев и Славик Кипелов. Один подбежал к трактору, а второй, соблюдая дистанцию, зашагал по следам Петра...

А где же наш скептик, наш Фома неверный, Боря Бурчалкин? А вот он лежит за стволом толстой раскидистой березы, складывая пирамидой гладкие камешки. Он хоть и скептик, и не выдумщик, зато никто в деревне так точно, по-снайперски, не попадает камнем в цель хоть днем, хоть ночью. Ой, что-то будет!..

Авдотья Керосинщикова встретила Петра широкой улыбкой:

— Явился, забулдыга! Не терпится?

— Не в том дело! — мрачно ответил Петр. — Для опыта надо.

— Который год у вас все опыты! Настасью бы пожалел! Дочь ведь большая!

— Все, Дуня, завязываю! Только одну, для опыта.

— Мне что, жалко, что ли? Бери!

— Как твоя ревизия?

— Жду! — прошептала Авдотья, наклоняясь к Петру через прилавок. — Может, и приехала уж. Тайно. Вечером али ночью лучше не ходите, ничего не будет!

— Ясно... — тоже шепотом ответил Петр, воровато пряча бутылку во внутренний карман пиджака.

Крепко прижав водку к груди, Быстров направил-

ся в поле. В деревне ничего подозрительного не замечалось. Жарко светило солнце. Лениво плыли по небу пухлые тучки. Только когда Петр миновал околицу, сзади раздался громкий свист, но среди бела дня трудно было поверить, что в деревне свистит дьявол, и Петр не обратил на это никакого внимания.

В поле он совсем успокоился и даже повеселел. Пахать оставалось немного. Трактор надежно и мирно дремал на опушке светлой рощи. Дьявольские козни растаяли без следа. Жизнь наполнялась розовым светом.

«Стаканчик для бодрости тяпну,— рассуждал Быстров.— Поле допашу — и шабаш. Вечером порыбачить схожу, потому как домой лучше пока не соваться».

Забравшись в кабину, Петр бережно поставил бутылку возле рычага скоростей, достал из укромного тайничка стакан, ломоть черствого хлеба, неочищенную луковицу и соль в спичечной коробке. Все это он делал не торопясь, по-хозяйски. Острым ножом очистил луковицу и, приоткрыв дверцу, выбросил корки на землю. Оставалось открыть бутылку. Только-только протянул к ней руку, как ближняя к роще дверца кабины звонко щелкнула. Звук был жестяной и злоедающий. Тракторист высунулся из кабины. В роще царили тишина и покой. Ни одна травинка не шевелилась.

— М-мистика,— пробормотал Быстров.

Он снова плотно уселся, но только взял бутылку в руки, как новый, теперь уже оглушительный удар потряс кабину. Петр вскрикнул, положил бутылку на сиденье и ястребом вылетел из кабины. Он обошел трактор кругом, сделал было несколько шагов по направлению к роще, потом остановился и бессмысленно уставился на дверцу кабины, на которой виднелась маленькая свежая вмятина.

— Камнями кидаются! — сообразил он и, поворачиваясь к роще, крикнул:

— Балуй! Поймаю — худо будет! Ноги выдерну, спички вставлю!

Роца загадочно молчала. Тракторист сплюнул сквозь зубы и решил отъехать от опасного места. Он поднял боковую стенку кожуха, рванул пускач. Трактор взревел, затрясся мелкой дрожью. Быстров забрался в кабину и остолбенел: бутылки на сиденьи не было.

— Д-д-дьявол! — заикаясь, прошептал Петр.

Он кубарем вывалился из кабины и, спотыкаясь, рысью понесся к деревне.

...Молоденькая фельдшерница Соня Зайцева не на шутку перепугалась, когда с грохотом отворилась дверь медпункта и в кабинет ввалился позеленевший от ужаса Петр Быстров.

— Скорее! Скорее! — вопил он, размахивая руками.

— Да успокойся! Чего — скорее-то?

— Спасайте меня! Лечите! Дьявол бродит по деревне!

— К-какой дьявол? — еще больше испугалась Соня.

— Космический!

— Успокойся, говорю! От чего лечить-то тебя?

— От пьянства! — простонал Быстров и рухнул на пол.

Соня торопливо принялась звонить в районную больницу, вызывать «скорую»...

* * *

Увезли Петра Быстрова в районную больницу лечиться от пьянства. А для экипажа сказочного шалаша снова пришла пора исследования далекой планеты Загадки. В космическую разведку на сей раз пришлось вылететь Вале Соловьеву, потому что, во-первых, наступила его очередь, а во-вторых, надо было связать кон-

цы с концами после походов Бурчалкина на диком острове, где водятся окуни. Летал звездолетчик Валя Соловьев недолго, а когда вернулся, рассказал

СКАЗКУ ЧЕТВЕРТУЮ

о том, как был нарушен Космический Устав

Д а, так оно и есть, точно, — сказал Валя, закинув руки за голову. — Борька правду рассказал.

— Вот видишь! — толкнул Бурчалкин Славика локтем. — А тебе бы все только подсмеиваться!

— Брось, слушай! — отмахнулся Славик.

— Я догадывался, что Лихой руки приложил к аварии аппарата. Значит, и в день аварии он с Конструктором рядом был. Оставалось там трое, не считая убитого. Один из них — Конструктор, того я малость запомнил. Получается, что Лихой — один из двух остальных, да вот беда: сразу-то я к ним не присмотрелся, а ведь они все на одно лицо, все большеглазые. И все равно Лихого надо было разыскать, да заодно кое-что узнать из истории Загадки. Вот и стал я для начала пробираться в библиотеку Академии. Нашел два громадных зала, только вместо книг у них какие-то валики: тяжелые, свинцового цвета. Валики вставляют в станок, а на экране изображение получается и голос рассказывает, что в этом валике написано, вернее — записано.

Думал, из истории планеты чего-нибудь разыщу. Хожу от одного студента к другому — ничего похожего нет, все техника, электроника, магнетизм, теория тяготения, в которых я ни бельмеса не смыслю. Пробрался в зал для ученых — и там неудача. Долго торчал — наблюдал — и так зазевался, что не заметил, как один ученый мне на колени уселся.

— Ого! — рассмеялся Славик.

— Ну, он ведь меня не видел. Как подпрыгнет! И устался на кресло, будто баран на новые ворота. Я — дай бог ноги! Хорошо, хоть он шума не стал поднимать, подумал, что померещилось. К креслу подкрался, руками потрогал, заулыбался, тем дело и кончилось. Я уж хотел сматываться из «знаниехранилица» (так дешифратор перевел название), потом смотро: идет Учитель и прямо к стене. Стена раздвинулась, я за ним проскользнул и оказался в небольшой комнатке. Там тоже станок для чтения, а за ним — девушка.

— М-мистика! — сказал Боря Бурчалкин, и шалаш вздрогнул от хохота.

— Как только ты, Борька, не промахнулся тогда в темноте у Дарьиного дома? — спросил минуту спустя развеселившийся Славик.

— Так луна же светила... А он еще руку отставил вот так — мишень вышла будь здоров!

— Ну если не слушаете, так и рассказывать не стану! — обиделся Валя.

— Давай, давай! Тихо, Борька!

— Вот, значит, Учитель попросил эту девушку показать какие-то хроники. Она станок врубил, и на экране древний старик показался, стал выступать. Я, правда, не все понял, но главное уловил. На этом материке, оказывается, тоже когда-то воевали, а потом произошла революция. Старик, что на экране, стал Президентом. Как раз при мне включили одну из главных его речей. Он говорил, что жизнь — священна, и отныне все силы Свободной страны будут направлены на то, чтобы население не знало горя, болезней, чтобы всеми силами науку развивать... И первым делом стали они планету исследовать. Сделали машины наподобие наших черепах, чтобы передвигались по дну моря. Давление у них в океане меньше, чем у нас, броня его хорошо выдерживает.

— Погоди, погоди! Выходит, жители Свободной могли и на другой материк попасть?

— Да они туда несколько экспедиций организовали. Хотели там тоже революцию сделать, только ничего не вышло, многие погибли от ядовитых растений, и правители Свободной запретили вмешиваться в дела другого материка. Я думаю, что и на Великой про Тот Свет не только от птичек известно.

— А что, «черепахи» и сейчас есть?

— Конечно. На ней и Конструктора отправили в наказание на остров, который Бурчалкин обнаружил. Так наказывали каждого, кто вольно или невольно загубит жизнь человека на Свободной.

— Ясно,— протянул Кипелов.— Ну, а Лихого разыскал?

— Слушай дальше. Учитель ушел из секретного знаниехранилища, а я затаился, стал ждать, не уйдет ли девица. Как станком пользоваться, я понял и хотел все пленки прокрутить сам, чтобы разобраться подробнее. Долго пришлось в углу торчать. Чувствую, что ночь уж глубокая... Вдруг стена снова раздвинулась и вошел один из тех, которые с Конструктором у аппарата в лесу были.

— Лихой?!

— Оказалось, он. Девица вскочила, кричит: «Вон отсюда! Сюда запрещено заходить! Как ты узнал шифр от входа?!» А он улыбается и говорит: «Вас это не касается. Выдайте мне валик с чертежами аппарата Конструктора, иначе умрете». Библиотекарша перепугалась, нет, говорит, у меня чертежей, здесь только секретные валики, а чертежи, мол, в лаборатории у Конструктора. Лихой не поверил, на лицо маску надел, из кармана коробочку вытащил, раскрыл и достает цветок, бледно-зеленый вроде мухомора белого. Девушка сразу за грудь схватилась, синеть стала, как от удушья...

— Ну а ты? Так и сидел?!

— Пришлось вмешаться. Нарушил я, братцы, Космический Устав. Включил силовое поле скафандра, изолировал Лихого от девушки. Помяло его слегка, перепугался, еле шифр входа выговорил. Поддал я ему напоследок, так что кубарем полетел из знаниехранилища!

— Надо было узнать, где живет, где пузырь спрятал! — укоризненно сказал Кипелов.

— Плохо ты обо мне думаешь, Славик. Конечно, узнал. Живет он вместе со студентами, а основная база у Лихого на берегу океана, в гроте. Замаскирована, будь здоров! Вход в пещеру наполовину залит водой, так что никто туда не сунется. И пузырь там спрятан. Хотел я было пузырь уничтожить, да передумал. Лучше не надо, пока мы все планы Лихого не узнаем, а то спугнем — и поминай как звали. Может, нам в этом гроте дежурство организовать?

— Попробовать можно...

— Кому первую неделю дежурить? Будешь, Борька?

— Да ну вас! Врите уж сами!

— А на островок больше не тянет? — подковырнул Славик.

— Могу и слетать, если на островок.

— Тогда так! — распорядился Валя Соловьев. — Времени у нас мало, дела много. Берите обе микроракеты: Славка — в грот, Борька — на остров. Сбор на корабле. Условие: на рожон не лезть, в дела Загадки не вмешиваться. Усекли?

...Прошло время. А когда собрался межзвездный экипаж снова, космос в окрестностях Синей звезды был неспокоен. Ливень космических частиц обрушился на стенки корабля. Грохотали по обшивке мелкие метеориты. Шарик скулил в шлюзовой камере, рвался в кают-компанию. Пришлось впустить, и он

тут же стал облизывать мокрый хвост. Плюс ко всему — на Синей звезде произошла колоссальная вспышка, так что весь корабль встряхнуло, будто игрушечный.

— Ух ты! Вот это гроза так гроза! — воскликнул Боря Бурчалкин. — Так и зальет нас, чего доброго! Или молния в елку — как шарохнет!

— И когда ты, Борька, привыкнешь! — возмутился Славик. — Все думаешь, что в шалаше сидишь. А тут — космическая катастрофа: может, вся Загадка полетит в тартарары и мы вместе с ней!

— Ладно тебе трепаться! — перебил Валя Соловьев. — Рассказывай

СКАЗКУ ПЯТУЮ

о похождениях Лихого на Свободной

Значит, так. Отыскал я грот, про который ты говорил, влез туда, подкрепился из тюбика и стал ждать. Долго сидеть пришлось, наверно, больше суток. Выспаться успел. Потом слышу, зашумело у входа. Появился Лихой. В гроте темно, чуть-чуть со стороны океана светит. Ощупью Лихой к стенке подобрался, у которой я сидел, стал рыться в углу. Я ка-ак заору!

— Стоп! — толкнул его Валя. — Какое имеешь право орать, если тебе наблюдать поручено?

— Ну не заорал. А неплохо бы поугадать гада. Порылся, порылся он — вытаскивает пучок травы, обрызгал его какой-то дрянью, и вдруг свет вспыхнул — осветилось все как в полдень от яркого солнца. Я даже перепугался, потом понял: не пожар — просто трава стала светящейся. Лихой пучок взял — и к выходу. Повесил траву у входа, начал вроде как колдовать. Куртку снял, то поднесет ее к траве, то уберет. Нако-

нец я догадался, что он сигналы на море подает. Ни фига себе, думаю! Как включил силовое поле, да ка-ак вышвырну Лихого в океан!

— Славка!

— Эх вы! Развернуться не даете! Не буду поле включать, так и быть... На сигналы Лихого с моря скоро отвечать стали. А потом к гроту один за одним приплыли три воздушных пузыря. Я и думаю: вот бы проколоть!

— Нельзя колоты!

— Нет, я только подумал. Друзья Лихого вылезли, шары укрепили в гроте, уселись все на сухое место. Лихой спрашивает: где остальные? Оказывается, их человек двести плыло, да в океане буря поднялась, весь их шариковый флот раскидало в разные стороны. Надо, мол, неделю-другую подождать, пока не прибьются к материку. Тогда Лихой о своих планах и рассказал. Чертежи аппарата, мол, остались в лаборатории Конструктора, туда пока не попасть, потому что шифр у входа сменили, теперь его знают только несколько главных ученых. Лихой предложил подождать, пока не приплывут остальные, а потом ограбить лабораторию и чертежи в безопасное место вывезти, чтобы самому начать делать аппараты. А знаешь, Валька, зачем ему аппараты нужны?

— Зачем?

— Помнишь, ты рассказывал, что после взрыва из земли стал фонтан бить? Так вот, Лихой решил усилить мощность аппарата, чтобы после запуска на этом месте началось извержение вулкана. Сила притяжения Синей звезды будет так в аппарате увеличена, что фонтан земли до самой магмы в момент вылетит, как пробка из бутылки шампанского, и, пожалуйста, — действующий вулкан!

— Ох и загибаешь ты опять, Славка! — покачал головой Бурчалкин.

— Ну вот, привет! Мне-то что, хотите — верьте, хотите — проверьте. Ведь Лихой за оружием сюда приехал? А какое еще оружие найдешь у тех, кто только мирными делами занят. Хотел я было всю шайку уничтожить силовым полем...

— Не забывай!..

— Сам-то вмешиваешься, небось! А я терпи, да? Так они всю Загадку укокошат к чертовой бабушке!

— Надо бы Конструктора вызволить с Борькиного острова, он бы наверняка чего-нибудь сообразил!

— А чего его вызволить! — неожиданно заявил Боря. — Он сам не сегодня-завтра прилетит.

— Ты что, с ним разговаривал?

— Не разговаривал, а так получилось, что узнал. Вот послушайте

СКАЗКУ ШЕСТУЮ,

которая у Бори Бурчалкина не получилась

Островок свой я сразу нашел, — начал рассказывать Боря. — Приземлился в роще, недалеко от дома.

Он замолчал.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Славик.

— Думаю...

— Индюк тоже думал. Из ракеты-то хоть вылез?

— Вылез.

— Опять за окунями?

— Да нет... К аппарату пошел.

— И как?

— Ремонтируют его. Ну, Конструктор и этот... пропал который...

— Куда пропал?

— Ну, который улетел.

— Ясно. Валяй дальше.

— А что — дальше? Ремонтируют да и все.
— Какая поломка-то в аппарате?
— Да не знаю, с двигателем там чего-то.
— А двигатель какой? — не унимался Славик.
— Какой-какой... Двухцилиндровый, наверно.
— Эх ты, космонавт! — рассердился Кипелов. —
«Двухцилиндровый»! Дай тебе волю, все бы мотоциклы на земле выше крыши летали. А то и дальше — в космос!

— Да погоди ты, Славка! — тронул его рукой Валя Соловьев. — Ты, Борь, хоть послушал, о чем они говорили?

— Да так, ни о чем...

— А все-таки?

— Ну, один говорит: «Дай ключ на восемнадцать». Другой говорит: «На».

— А еще? — чуть не лопааясь от смеха, спросил Славик.

— Этот... Конструктор говорит: «Гусеница треснула, сварка нужна...»

— Ой, умру! — скис от смеха Кипелов. — «Гусеница!» Ха-ха-ха-ха!

— Да кончайте вы оба придуриваться! — вспыхнул Валя Соловьев. — Ты, Борька, или давай рассказывай, или сматывайся!

— Ну чего! Отремонтируют — прилетят в эту самую... в Академию. Чего злишься-то? Тоже мне, исследователи... Вон Славка пусть летит и сочиняет про свои подвиги. М-мистик!

Славка схватился за живот. Прохохотавшись, он с трудом выговорил:

— Ой! Уж придется тебе завтра рассказать, раз такое дело.

СКАЗКУ СЕДЬМУЮ

о разбойном нападении на лабораторию Конструктора

Вот ведь что интересно, — начал Славик на другой день, — Лихой на Свободную не так давно приплыл, а с антигравилетом разобрался не хуже самого Конструктора. Я сперва небожно поверил, когда он расхвастался про вулканические извержения. Кишка, думаю, тонка, тут целому институту работы не на один год хватит. Да выходит, ошибся. У них даже головы по-другому устроены.

— Ты — по порядку! — попросил Валя Соловьев.

— Я и то по порядку. В пещеру к Лихому я на сей раз и забираться не стал, там плюнуть некуда — столько его сородичей набилось. Гвалт стоит, как в нашем классе на большой перемене. Дождался ночи, и начали они выползать из пещеры на берег. На лица темные маски надели — ни дать ни взять шайка пиратов. Надели они, значит, маски и двинулись к Академии. Охраны там почти что никакой, шифры от всех дверей Лихой разведаль, да еще у каждого из них цветочки с ядовитым запахом, так что они и среди бела дня всю Академию растащить могли. Вынести-то надо было оборудование всего одной лаборатории. Нагрузились, как ослы; Лихой валик с чертежами подхватил и — ходу. Я подождал, пока они в кучу не собрались, да как включу силовое поле!

— Но-но!

— Эх, развернуться не даете! Я бы им, гадам, показал, где раки зимуют! После грабежа вся шайка погрузилась в свои пузыри и отчалила.

— М-мистика! — поддел Боря.

Валя Соловьев фыркнул.

— Вот и я подумал — м-мистика! — передразнил Славик. И полетел за ними на своих микродвигателях. Они вдоль побережья долго плыли, пока горы не показались. Там причалили, пузыри свои укрепили, выгрузились и потопали в горы следом за Лихим. Между гор большая ровная площадка оказалась, а по бокам, в скалах — громадные пещеры. Оборудование в такую пещеру стащили, и Лихой дал команду всем отдыхать, кроме своих ближайших помощников. Тут они светящейся травы в углы повешали, достали еще какую-то травку, и давай ее нюхать. Смотрю, сразу ожили, развеселились, забегали...

— Что, она у них вместо водки, что ли? — снова съязвил Бурчалкин. — Загибашь...

— Быстрова бы туда! — засмеялся Валя. — Вот бы обрадовался!

— Ну да! — увлеченно продолжал Славик. — После этого Лихой начал выступать, и мне удалось узнать кое-что новенькое. Оказывается, он решил на Великую не возвращаться...

— Не может быть!

— Точно. Так и сказал: «Нечего нам, друзья, делать на Великой, ежели Тот Свет почти что у нас в кармане. Наладим производство вулканических аппаратов и предъявим правительству Свободной ультиматум. Или оно передаст нам всю власть, или материк превратится в гнездо действующих вулканов».

— Ого!

— «С завтрашнего дня, — говорит, — все будут работать под моим надзором и по моим указаниям строить вулканические аппараты». Я и подумал: сведения важные, тянуть резину нечего — пора возвращаться. Сел в ракету — и на корабль.

— Ну ты и врать! — изумился Боря.

— А ты и соврать не умеешь! — отбрил его Славик.

— Не спорить на корабле! Ноги выдерну, спички вставлю! — сказал Валя голосом Петра Быстрова, и все снова расхохотались.

— С аппаратами, так и быть, я согласен, — продолжал Боря, когда утих смех, — но чтобы травкой воевать... Так не бывает!

— Заладил: «не бывает», «не бывает»! Да если хочешь знать, и на Земле сколько угодно таких травок! И дурмящих: табак, например, мак, конопля. А в Южной Америке растения есть, так даже животных хватают. Цап — и переваривают. Ядовитых трав тоже полно. А женьшень? От всех болезней помогает, если хочешь знать.

— Женьшень у нас не растет, — не сдавался Боря.

— Растет в Приморье, — поправил его Соловьев.

— Если бы только в Приморье, — загорячился Славик. — Он, может, рядом с нами растет!

— Ну уж это... — недоверчиво протянул Валя.

— М-мистика! — добавил Бурчалкин полюбившееся слово, но в этот раз никто не рассмеялся.

— Не верите, да? А верите, что наша бабушка все лекарственные травы наперечет знает?

Против этого никто не возражал: за травами к Славкиной бабушке ходила вся деревня.

— Так вот мы с ней однажды о травах разговаривали, я и вспомнил про корень жизни. А бабушка ни сколько не удивилась: знаю, говорит, такой корешок. Растет он у нас на Лисьем угоре. Редко попадается, а настоечка из него от любой болезни вылечивает! Старики, говорит, этот корешок нахаживали.

— Хватанул! Лисий угор ведь километров двадцать отсюда вверх по Каменке. Там такие чащобы да буреломы — черт ногу сломит. Так и бросились старики туда за корешками! — возразил Бурчалкин.

— А что, если... — задумчиво проговорил Валя Соловьев, и глаза его азартно заблестели.

Ничего не поделаешь, дружок. Опять прерываются сказки в нашем сказочном шалаше, потому что предложение Вали Соловьева было принято единогласно и у ребят началась

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗА КОРНЕМ ЖИЗНИ

ПЕРВЫЙ ПРИВАЛ

се бы хорошо, да времени мало. Конечно, на двое суток их из дома отпустили. Порыбачить. А что такое двое суток, если только до Лисьего угора на плоту самое малое плыть километров двадцать? Да и там тоже время потребуется: женьшень под ногами не валяется, его искать надо. Опять же — обратная дорога. На все про все клади неделю. В общем взбучки так и так не миновать.

Зато красота какая! Несется плот по тихой и узкой Каменке, как ракета. Ну и пусть не как ракета, потому что шестами до второй космической скорости не разгонишься, а все-таки уплывают назад кусты ивняка, зеленые луговины да желтые осыпи, поверх которых курчавятся могучие бронзовые сосны.

— Три километра в час, только кустики мелькают! — орет Славик Кипелов, налегая на шест.

С другого борта Боря Бурчалкин кричит, а Валя Соловьев небольшим самодельным веслом заостренный нос плота направляет куда надо. Все мальчишки в одних трусах, загорелые, мускулистые. Дал знать себя колхозный сенокос, накачал бицепсы ребятам!

— Ф-фу, жарко! — не выдерживает лоснящийся от пота Боря. — Передохнём?

— Давай сменю, — предлагает Валя. — А ты пока дорожку брось — вдруг щучонка какая соблазнится.

— Или окунь! — подначивает Славка. — Такой, как на Загадке...

Боря на насмешки — ноль внимания, на корточках присел, из коробки блесну выбрал да привязывает. Выпрямился, пробрался на корму. Далеко полетела маленькая блесна на толстой жилке.

Проплывают в прозрачной воде позеленевшие валуны, вьются стрекозы, липнут к потному телу мухи. А все-таки есть еще порох в пороховницах, бежит и бежит плот от излучины к излучине.

— Зря смеялся, Кипяточкин! — радуется Бурчалкин, споро наматывая жилку на катушку. — Попалась, которая кусалась!

Щука зигзагами рвалась от берега к берегу, да где же ей пересилить Бурчалкина! Минута — и вот уже бьет она широким хвостом по гладким бревнам плотика.

— А ничего... — удивляется Славик. — Грамм пятьсот будет!

— Сам ты «грамм пятьсот»! — выкатывает глаза возмущенный Бурчалкин. — Килограмма два верных!

— Килограмм и двести сорок семь граммов! — примиряюще говорит Валя Соловьев. — Самое главное — уха будет!

Плыли до самого вечера без остановок. Если, конечно, не считать, что четыре раза искупались да минут двадцать обедали, ну и пока щуку разглядывали, плот назад отнесло метров на сорок. А так плыли без остановок.

Для ночевки выбрали место на обрыве под соснами: дрова рядом, сухо и есть куда закинуть удочки.

— Кто чем заниматься будет? — спросил Валя.

— Я — костер ладить, — вызвался Славик.

— Давай. Я тогда шалаш срублю, а ты, Борька,

как главный рыбак, бери удочки. Еще бы пару окуней не худо сообразить.

Уха и вправду славная вышла. Еле одолели пятилитровый котелок, но все-таки одолели — жалко было выливать вкуснятину. Чай пили особенный — заварив смородиновый лист.

— Хорошо бы найти хоть один корешок! — размечтался за чаем Славик. — Вот бы тогда в школе ахнули! Да что в школе — во всей области! Сразу бы наша дружина стала знаменитой, в самой «Пионерской зорьке» про нас рассказали бы!

— Это все пустяки! — возразил Боря. — Всю деревню вылечить можно было бы. Мало ли у нас больных!

— Да немного вроде, — усомнился Валя.

— Давай посчитаем. Бабка Марья — раз. Поясница у нее. У председателя Ивана Ивановича — гастрит.

— У бабки Дарьи — воспаление хитрости, — добавил Славик.

— Ну тебя! Говорят, что у Татьяны Тимофеевны, учительницы, рак обнаружили. Да и у меня вот тоже ревматизм, — Боря согнул ногу — и в колене у него что-то негромко щелкнуло.

— Два-три алкоголика еще, — снова пошутил Славик.

— М-мистика...

— Смех смехом, а если старики находили... — задумчиво сказал Валя и вдруг оживился: — Вы хоть знаете, какой он, женьшень?

— Я знаю, — ответил Славик. — Невысокий, растет в тенистом месте, сверху — красные ягоды.

— Ягод сейчас может и не быть, — возразил Валя. — Август все-таки. А листья у него какие?

— Зеленые...

— Во-во! Зеленые. Получается: иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что.

— Все равно ничего у нас не выйдет, — безнадежно предсказал Бурчалкин, глядя на закат.

— Ты у нас Фома неверный! — Славик отхлебнул большой глоток чаю. — Знаешь, Соловей, если Борька в один прекрасный день нить перестанет, мне просто не по себе делается. Привык.

Но Валя уже не слушал, любуясь закатом. Славик внимательно проследил за взглядами приятелей, при молк. Застыла, уснула недвижимая темно-синяя Каменка, только вьются над ней хороводы бесчисленных мошек. А выше, над мелким кустарником противоположного берега, там, где небо сливается с землей, другая, огненная река. На фоне закатного пламени плывут маленькие розовато-белые облака, как легкие парусники на красной воде, и кажется, будто именно там, на причудливых порогах золотисто-алой реки, идет удивительная и прекрасная жизнь. Уж не далекая ли планета Загадка из сказочного шалаша шлет свой кумачовый привет путешественникам?..

Плеснула щука, словно булыжник кинули в воду. Пропало очарование.

— Ну так слушайте, — заговорил Валя будничным голосом, доставая из кармана куртки измятый тетрадный листок. — Я тут выписку сделал из «Медицинской энциклопедии».

— Про ревматизм? — с надеждой спросил Бурчалкин.

— Про женьшень! — укоризненно посмотрел на него Валя и стал читать:

— Женьшень, по-китайски — корень жизни, человек-корень, — травянистое многолетнее растение с крепким, округлым, до 50 сантиметров высотой стеблем, имеющим наверху мутовку из двух-трех, реже пяти листьев...»

— А чего это такое — мутовка? — перебил Бурчалкин.

— Мутовка? — замылся Валя. — М-м-м... Славка, что такое мутовка?

— Штука такая, которой сметану взбивают.

— По-твоему, сметану женьшенем взбивают?

— Может, женьшень похож на мутовку?

— Наверно... А ты, Борька, не перебивай. Задаешь тут разные глупые вопросы!

Читаю дальше: «На вершине длинного цветоноса — простой зонтик из пяти — шестнадцати и более бледно-зеленоватых мелких цветков...»

— Ап-п-пчхи! — чихнул вдруг Бурчалкин так, что над угасающим костром взлетела туча пепла.

Валя и Славик от смеха повалились на землю.

— Вы чего? — обиделся Бурчалкин. — Чихнуть человеку нельзя, да?

— Не сердись, Борька, — вытирая слезы, сквозь смех сказал Славик. — Просто ты точь-в-точь, как Быстров в конюшне! Ой, не могу!..

«Плоды... — тонким от смеха голосом продолжал Валя, — светло-красные ягоды...»

— Может, эти ягоды от ревматизма помогают?

— Найдем, тогда узнаем. Слушай: «Корень цилиндрический... — Ага, вот про корень как раз. — Корень цилиндрический, ароматичный, горьковато-сладкий, снизу ветвистый, иногда похожий на фигуру человека. Растет преимущественно на пологих юго-восточных и юго-западных склонах гор, в тенистых широколиственных или кедрово-широколиственных лесах в Китае, Приморском крае СССР». Ясно?

— Здорово! — Славик привстал на колени. — Получается, что мы и энциклопедию поправим! Придется им дописать потом: «и на севере европейской части Союза». Верно?

— Не скажи «гоп», пока не перепрыгнешь! — проворчал Боря.

— Скептик! Эх, скорее бы Лисий угор!

тром встали рано — холод поднял.

— Как думаете, сколько мы вчера отмахали? — спросил за чаем Валя Соловьев.

— Километров двадцать пять! — не задумываясь, ответил Кипелов.

— Как бы не так — возразил Бурчалкин. — Скажи — десять, вернее будет!

— Нет, больше десяти, — не согласился Валя. — Вот я и думаю: надо сегодня поднажать, чтобы ночевать на Лисьем угоре.

— Запросто!

— Наверяд ли, — засомневался Боря, разглядывая мозоли на ладонях. — Руки болят.

— Эх, сейчас бы нам антигравилет, как у Конструктора на Загадке! Сел, взлетел — и, пожалуйста, Лисий угор! — размечтался Славик.

— Ну его! — поморщился Бурчалкин. — Залетишь куда-нибудь на Бермудские острова, расхлебывай потом!

Солнышко только-только над лесом поднялось, когда ребята отчалили. На шести налегли что есть мочи — согреться скорее хотелось. Закипели бурунчики перед носом плота, заструилась вода между бревнами. А Славiku Кипелову и этого было мало — махал шестом все быстрее и быстрее. И доубыстрялся. Ударил в илистое место, хотел рывком шест вытащить, а он застрял, и Кипелов с плеском рухнул в воду. Вылавливать Славика пришлось Бурчалкину, что он и сделал, протянув сначала шест, а потом руку.

Стуча зубами, вылез Кипелов на плот.

— Как водичка? — улыбаясь, поинтересовался Валя.

— Л-л-лед! — ответил посиневший Славик. — Г-главное в одежде брякнулся, с-сушился т-теперь...

— Ревматизм подхватишь, это точно! — выдал мрачный прогноз Бурчалкин и снял с меня пиджак. — На, переоденься.

— С-спасибо...

Впрочем, пиджак потребовался ненадолго. Пригрело солнышко, и путешественники снова разделись. Плот сразу побежал веселее.

За одним из поворотов добытчикам женьшеня пришлось туго. Каменка неожиданно широко разлилась и цедила воду через пережат, будто сквозь зубья расчески. Долго искали проход между валунами, а когда нашли — застряли. Делать нечего, прыгнули в воду и чуть ли не на плечах перетаскивали плот через мелководье. Зато потом часа три плыли спокойно, пока русло Каменки снова не раздалось вширь.

— Вот невезуха, сплошные пережаты,— почесал в затылке Бурчалкин.

— Какие там пережаты! — заспорил Славка. — Это — устье! Устье Ямбы!

Кипелов был прав. В Каменку здесь действительно впадала широкая, но мелкая речушка, а так как, кроме Ямбы, притоков в верхнем течении не существовало, ребята заплясали от радости. Плот заходил ходунгом.

— Прибыли! Вот он, Лисий угор!

Сразу за устьем, на правом берегу Ямбы поднимался отлогий холм, густо поросший лесом. По рассказам Славкиной бабушки, это и был Лисий угор.

Путешественники подогнали плот к берегу, крепко привязали его веревкой к стволу молодой осины.

— Как искать будем? — спросил Славик. — Сразу?

— Давайте завтра! — предложил Боря.

Валя из-под руки посмотрел на солнце. Оно стояло еще высоко.

— Если ты с нами идти не хочешь, так лови рыбу. А мы со Славкой попробуем до вершины добраться.

— Ладно! — явно обрадовался Бурчалкин. — Я тут место хорошее приметил, может, крупная клевать будет.

Приятели разошлись в разные стороны. Сперва Валя со Славиком держались рядом, потом потеряли друг друга, потому что по склону Лисьего угора стали попадаться грибы: красноголовые крепкие подосиновики, а ближе к вершине — и белые. Целлофановые мешки, приготовленные под женьшень, быстро наполнились отборными боровиками. Время от времени Валя внимательно оглядывался, надеясь заметить красные ягоды, но вокруг было зелено, лишь местами проступал мох и на нем там и сям блестели начинающие краснеть кисточки брусники.

Казалось, лес был как лес, такой же, что и в окрестностях родной Федоровки, но внезапно Валя почувствовал непонятную тревогу. Он почти поднялся уже на вершину холма, где рос редкий сосновый бор. Среди сосен то и дело встречались большие заросшие беловатым мхом поляны. Вот в них, в этих полянах, и таилось что-то тревожное, какой-то намек на тайну. Соловьеву стало не по себе.

— Славка-а-а! — крикнул он что было мочи.

— Эге-ей! — глухо донеслось издалека, откуда-то с другого склона холма.

Услыхав голос друга, Валя немного успокоился. Он выбрался еще на одну заросшую мхом поляну, споткнулся и неожиданно понял, в чем дело. Все поляны, которые он проходил, были неровными, но неровными по-иному, чем в обычном лесу. Бугорки и рытвины тянулись на них от одного края до другого.

«Да ведь это — борозды! — осенило Валу. — Здесь поля, видно, были, земля-то паханая! Значит, поблизости и люди жили...»

Беспокойство исчезло, и он с интересом стал оглядывать вершину Лисьего угора. Почему бросили люди

обжитое место? Что заставило их уйти с плодородных земель? Уж не набеги ли татарские, не летучие ли отряды польских панов? Одно ясно: без войны люди не ушли бы с такого хорошего места. А что это были за люди? Долго ли жили здесь? Век? Два? А может, с тех самых загадочных древних времен, от которых только и остались странные названия «меря» да «весь»? Или пахали землю его, Валины, далекие предки? Ведь были у него предки и в ту старинную-престаринную пору, конечно, были. Есть же у Вали дедушка! Когда-то дедушке тоже исполнилось тринадцать, и он помнил своего дедушку, Валиного прапрадедушку. А тот, наверное, тоже помнил своего деда. Выходит, что живет Валя Соловьев на этой земле с незапамятных времен, может, с тех, когда еще ни мери, ни веси не было здесь, а были одни только первобытные люди...

Жаль только, что не оставили они после себя никаких следов — ни те, далекие-предалекие, ни эти, что пахали заросшие лесом поля...

Между редкими стволами сосен мелькнуло что-то черное. Валя вздрогнул, насторожился. На медведя не похоже, скорее громадный муравейник. Он с опаской продвинулся на несколько десятков метров и увидел развалины строения. Дом — не дом, сеновал — не сеновал. Крыша заросла мхом и наполовину провалилась внутрь. В одной из стен — крошечное окошечко без стекол.

— Славка-а-а! — снова крикнул Валя.

— Ау! — неожиданно совсем рядом откликнулся Кипелов.

— Айда сюда! Смотри!

— Здо-орово! — протянул Славик. — Следы древней цивилизации.

— Ну, не загибай! — охладил его Валя. — Всего-навсего охотничья избушка. Старая, правда, сгнила

совсем. А ты знаешь, что тут кругом когда-то пашня была? Видать, люди жили еще в древние времена.

— Да ну, в какие древние! — нисколько не удивившись, ответил Славик. — Тут еще до войны люди жили. Бабушка рассказывала, что где-то за Лисьим углом большая деревня стояла. А потом все разъехались кто куда, и дороги сюда лесом заросли.

— Жалко, — задумчиво сказал Валя. — Места больно красивые. Да и грибов много, ягод... Рыба, наверно, ловилась...

— Ага, — подтвердил Славик равнодушно и кивнул на домик: — Зайдем?

— Опасно. Видишь, крыша-то на честном слове держится.

— А мы осторожно. Вдруг найдем что-нибудь интересное!

Ребята медленно приблизились к дверному проему и заглянули внутрь. Пол в избушке тоже наполовину провалился, пахло плесенью, кое-где сквозь половицы пробивалась бледная травка. В углу грудились остатки каменки, похожей на те, какие кладут в черных банях. У окошка — грубо срубленный стол и скамья.

Славик перешагнул порог избушки, покосился на потолок: чего доброго рухнет. Он уже собирался вернуться, как вдруг около каменки заметил маленькую, сплетенную из бересты коробочку с двумя рожками. Схватив ее, Кипелов с облегчением вынырнул на воздух из затхлой темноты избушки.

— Вон чего нашел.

Валя взял находку в руки.

— Солонка! — уверенно сказал он. — У дедушки точно такая, только с одним рожком. Их раньше на сенокос брали. Удобно: соль не мокнет, не высыпается, а к поясу пристегнешь, так и не потеряешь.

Валя с усилием вытащил из одного рожка деревянную затычку, потряс солонку над раскрытой ладонью.

На ладонь вывалилось несколько зеленоватых крупинок.

— Нет, не соль. Вроде табаком пахнет.

— Наверно, табакерка и есть. Ну-ка, второй рожок открой!

Второй тоже оказался пустым. Но когда Валя сунул в отверстие палец, то почувствовал, что в берестянке зашуршало. Он осторожно вытащил клочок желтой, полуистлевшей бумажки, развернул.

— Напечатано что-то...

— Дай прочитаю! — возбужденно сказал Славик.

— Вроде как обрывок страницы из старинной книги. Видишь, с твердыми знаками еще. Разорвали книгу на сигарки, вот и все. На!

Славик взял бумажку, взгляделся и по слогам прочитал:

«... в том тайнике есть две палаты, полны наставлены сундуками. А те палаты за великою укрепою, у тех палат двери железные, поперег чеши в кольца проемные, замки вислые превели...»

Здесь текст обрывался. На обороте клочок страницы был чистым.

— Клад! — убежденно заявил Славик. — Тут шифр к тому, где искать клад!

— Не ерунди! Где видано, чтобы шифры к кладам печатались в типографии?

— Давай спрячем все-таки. Потом Анатолию Ивановичу покажем. Может, еще и моя правда!

Валя пожал плечами, свернул истлевшую бумажку и сунул ее обратно в рожок. Табакерку он опустил в целлофановый мешок, почти доверху набитый грибами.

— А женьшеня так и не встретил?

— Думаешь, просто: взял и нашел, да? На Дальнем Востоке его месяцами ищут! Завтра еще полазим...

жин у путешественников царский: уха из оку-ней, жареные грибы и смородиновый чай. Улеглись, сытые, в шалаше, который как две капли воды был похож на сказочный. До того похож, что даже Бурчалкин не выдержал:

— Расскажи, чем там у них все кончилось? — толкнул он в бок Славика Кипелова.

— У кого?

— Да у этих... Что на Загадке.

— Откуда я знаю? Туда лететь надо, а лететь Валькина очередь.

— Вернемся на корабль, тогда и расскажу,— вывернулся Валя.— А сейчас у нас совсем другая экспедиция.

И все поняли: мало того, чтобы шалаш был похож на сказочный. Надо, чтобы он и вправду сказочным стал, как тот, что стоит на берегу Каменки, напротив деревни Федоровки.

С утра решили все склоны Лисьего угора прочесть, на грибы внимания не обращать, про клады не думать, искать женьшень.

— Пойдем неподалеку друг от друга,— предложил Валя Соловьев.— Так, чтобы я справа видел Славку, а он — Борьку.

Сначала так и шли, заглядывали под каждый куст. Потом нетерпеливый Кипелов вперед вырвался, а Бурчалкин наоборот, отстал. Валя Соловьев в самые буреломные места лез, в самые густые заросли. Все напрасно: нигде ничего похожего на женьшень. Наткнулся на крохотный ручеек, что бежал со склона, стал подниматься вверх, ощупывая руками чуть ли не каждую травинку. Даже несколько корешков вырыл, но на фигуру человека ни один не походил. Так добрался он до истока ручья, который вытекал из

обыкновенного родника, что бил под корнями старого выворотня, заросшего малинником.

Слава Кипелов тем временем успел добежать до вершины угора и спуститься обратно. Женьшенья не попадалось. Таяли последние надежды, когда издали донесся голос Бурчалкина:

— Нашел!

Ребята, не разбирая дороги, бросились на голос.

— Бо-оря! Ты где?!

— Зде-есь! — раздался голос уже намного ближе.

На краю небольшой полянки возвышался Бурчалкин и не спеша смаковал красные ягоды, что росли на высоких, крепких стеблях.

— Вон тут его сколько! — довольно махнул рукой Бурчалкин. — На всю деревню хватит!

И бросил в рот еще одну красную ягоду.

— Что ты делаешь? — заорал не своим голосом Кипелов. — Выплюнь! Выплюнь немедленно!

— Ну да, — возразил Бурчалкин, торопливо глотая ягоду. — У меня ревматизм, мне в первую очередь надо.

— Да ты знаешь, что ты жрешь, садовая твоя голова? Это же волчье лыко! Ядовитые ягоды! Ты ведь сейчас концы отдашь!

— Врешь? — упавшим голосом спросил Бурчалкин и позеленел. — А я думал, женьшень...

— Индюк тоже думал! Что делать будем? — повернулся Кипелов к Вале.

— Ему сейчас пить надо как можно больше! Ай-да, я тут родничок видел.

Бурчалкин схватился за живот.

— Все... Кранты... — прошептал он.

— Бежим быстрее!

Охая и держась за живот, Бурчалкин поплелся следом за ребятами. Скоро они наткнулись на ручеек и по нему выбрались к роднику.

— Пей сколько сможешь! — приказал Славик.

Бурчалкин опустил на четвереньки и припал губами к роднику. Сделав несколько глотков, он вскопчил и бросился в сторону.

— Отравлена! — завопил он. — И вода отравлена, все отравлено!

Его стало рвать.

— Да не может быть! — изумился Славик — Родник ведь!

Валя зачерпнул воду ладонями, глотнул.

— А правда, Славка, невкусная вода. Попробуй!

Славик тоже зачерпнул воду ладонями. Попробовал. Подумал. Еще зачерпнул. И засмеялся:

— Да тут минеральная вода! Самое настоящее «Боржоми»! Соленая и с привкусом.

— Действительно... — пробормотал Валя. — А я все вспоминал, на что она похожа!

Он снова глотнул из родника.

— Точно, на минералку!

— Слышь, Борька! Пей еще! Сразу твой живот пройдет! Целебная вода, где еще такую раздобудешь!

— Нет уж, — застонал Боря, сидя на земле. — Пейте сами да поезжайте. А я помирать буду...

— Да ты сколько ягод-то съел?

— Три... штуки...

— Во, дает! Чего ж ты помирать собрался? Если бы три килограмма, еще туда-сюда. Пей воду!

Пока Бурчалкин отпивался целебной водой, Славик сбегал к шалашу и притащил бутылку из-под молока.

— На анализ пошлем! — торжествовал он. — А лет через пять приглашаю вас на курорт «Лисий угор»! Лечим желудок, печень, ревматизм и пищевые отравления!

— Знаете, что я подумал, — сказал Валя. — Наверно, нет на Лисьем угоре никакого женшенья. А ле-

чились здесь когда-то люди травами да корешками, которые от минеральной воды стали целебными. Конечно, это еще проверить надо...

— А что? И проверим! Вот и пошлем на анализ...

СНОВА — СКАЗОЧНЫЙ ШАЛАШ

Все-таки привычно и хорошо в родном корабле, который все еще крутится вокруг Загадки в далекой галактике. Давненько не залетали сюда наши астронавты: после самовольного путешествия на Лисий угор все трое энное время находились под домашним арестом. Одно утешало: водичкой с Лисьево угора заинтересовались и школьный географ, и председатель сельсовета, и особенно фельдшерица Со-ня Зайцева, которая сразу же отправила воду на исследование в районную санэпидстанцию.

А сегодня в шалаше по одному лишь выражению лица Вали Соловьева понятно, что ему не терпится поведать

СКАЗКУ ВОСЬМУЮ

*о завершении космических исследований на планете
Загадке*

Шрошлый раз Славик узнал, что Лихой украл оборудование лаборатории Конструктора и в горах начал работать над вулканическими аппаратами. Так? Конечно, если бы мы захотели, мы бы эту банду разгромили, да вмешиваться нам запрещено, разве что незаметно помогать Свободной стране. Вот я и полетел в Академию, думаю, хоть намекну там об опасности да посоветую вызволить с острова Конструктора.

А загадовцы и сами с усами. Переположились все после того грабежа. Погоню за Лихим отправили, да попусту — ведь в океан не сунешься. Потом все-таки базу ихнюю сумели выследить. Снарядили для окружения отряда Лихого войска безопасности. Одно название что войска, — оружия-то у них никакого, считай. Отряд окружили, а близко подойти боятся, потому что Лихой приказал вокруг лагеря удушающую траву посеять.

Как раз при мне ученые на совет собрались. Думали-гадали, что делать, пока один не предложил Конструктора с острова привезти, а совещание отложить до его приезда. Только разошлись, Президенту Академии (помните, тому сморщенному старичку?) докладывают, что Конструктор уже прибыл на собственном аппарате. Президент приказал его к себе привести и спрашивает:

— Ты почему самовольно покинул остров?

А Конструктор отвечает:

— Я не считаю себя виновным, потому что авария аппарата была подстроена. К счастью, пилот остался жив и мы вместе разобрались, что к чему.

— Вместе гусеницу сваривали, да, Борька? — подкинул Кипелов.

— Шуруй отсюда, отравитель!

— Ну, я молчу, — обиделся Валя.

— Слушаем!

— Президент все Конструктору рассказал про последние события и спрашивает, зачем Лихому понадобилась лаборатория. Конструктор подумал и отвечает, что одно из двух: или они собираются наделать аппаратов, чтобы перевезти сюда армию со второго материка, или, если увеличат мощность, используют аппараты как вулканические бомбы.

Учитель перепугался до полусмерти, говорит:

— Что будем делать?

Тогда Конструктор такую штуку предложил, что даже я ахнул.

— Какую?

— Можно, говорит, аппарат так переделать, что он будет усиливать не тяготение Синей звезды или других звезд, а притяжение самой планеты Загадки. Расставить несколько таких аппаратов вокруг лагеря Лихого — так никто из его людей даже руки поднять не сможет, потому что вес всех предметов в этом месте увеличится во много раз.

— Брехня все это! — сказал Бурчалкин. — Не может такого быть!

— Почему не может?

— Потому что не может, да и все. Мистика.

— Не слушай ты его, Валька! Давай дальше!

— Президент, значит, и спрашивает, сколько времени Конструктору надо, чтобы сделать такие аппараты. А Конструктор отвечает, не меньше трех месяцев, потому что чертежи украдены.

— Так ведь не успеют! Лихой опередит!

— Вот и я об том же подумал. Президент тоже об этом спросил, а Конструктор только руками развел. Тут я и решил раскрыться.

— Как — раскрыться? — удивился Боря.

— Настроил дешифратор на двустороннюю связь и сказал:

— Вы справитесь раньше.

Они прямо онемели. По сторонам оглядываются, за головы хватаются — не могут понять, откуда голос раздался. А я повторяю:

— Работайте. Вы справитесь раньше.

В это время кто-то вошел к Президенту, стена раздвинулась, и я выбрался оттуда. Выбрался и засомневался — думаю: успокоил Конструктора, а вдруг он и в самом деле не успеет? И решился еще раз нарушить Космический Устав.

— Сам нарушаешь,— обиделся Славик.— А мне, небось, ни разу не дали развернуться!

— И правильно! От твоих вмешательств одно устройство всегда. Отравитель! — проворчал Боря, который не мог простить Кипелову волчьего лыка.

— Безвыходное положение, потому и вмешался! — защищался Валя.— Ну, прилетел я в горы, ночью к Лихому пробрался, валик с чертежами разыскал и унес с собой.

— Покажи! — потребовал Бурчалкин.

— Не повезу же я с собой чужие чертежи! Я их в ту самую ночь Конструктору и подбросил. Одному-то голосу с неба они могли не поверить, а теперь уж точно можно сказать: Лихому труба. Да и жители Свободной больше такими лопухами не будут... А не пора ли нам, братцы, возвращаться в свою Галактику? Там ведь тоже дел поднакопилось...

— Давно пора! — с радостью согласился Бурчалкин.— Ну их, этих туземцев! Как вспомню про отравленные цветочки, сразу тошнить начинает.

— А я — против! — возразил Славик.— Секреты ихние надо привезти на Землю? Надо! А то зачем и лететь было!

— Секреты все на пленках да в образцах давно на корабле!

— Ну ладно... Подчиняюсь... — неохотно согласился Славик.— А что там за дела в нашей Галактике?

— Дела самые земные...

ЗЕМНЫЕ ДЕЛА

Дела самые земные,— повторил Валя и достал из кармана табакерку, найденную на Лисьем угоре. Открыв рожок, он осторожно вытащил полуистлевший клочок бумажки.— Помните это?

— Еще бы!

— После того, как мы с Лисьего угора вернулись, я с ним к историку ходил, к Анатолию Ивановичу. Он его долго рассматривал, читал, расспрашивал, где нашли. Потом говорит:

— Приходи завтра. Может, найду, откуда эти строчки, что-то больно знакомые, только вспомнить сразу не могу.

Я на другой день к нему пришел, а он достал одну книгу, раскрыл, читай, говорит, подчеркнутое место. Я прочитал, а потом выписал. Вот. Нет, сперва ты, Боря, еще раз прочитай бумажку.

Бурчалкин взял клочок и, запинаясь, прочел уже известный ребятам текст:

«... в том тайнике есть две палаты, полны наставлены сундуками. А те палаты за великою укрепою, у тех палат двери железные, поперег чеши в кольца проемные, замки вислые, превели...»

— Все.

Валя развернул тетрадный листок:

— Слушайте! «В декабре 1724 года в Петербург на попутной подводе прикатил из Москвы бывший пономарь московской церкви Рождества Иоанна Предтечи Конон Осипов и подал в канцелярию фискальных дел пространное «доношение», в котором писал: «Есть в Москве под Кремлем-городом тайник, а в том тайнике есть две палаты, полны наставлены сундуками. А те палаты за великою укрепою, у тех палат двери железные, поперег чеши в кольца проемные, замки вислые, превеликие, печати на проволоке свинцовые, а у тех палат по одному окошку, а в них решетки без затворов».

— Ясно?

— Ничего не ясно,— возразил Бурчалкин.— Темная ночь.

— Ясно, что текст на клочке бумажки от книж-

ной страницы с Лисьего угора и текст в книге — один и тот же?

— Ну и что?

— Книгу эту написал Роман Пересветов, называется она «Тайны выцветших строк». А говорится в ней о поисках библиотеки Ивана Грозного, которая когда-то была, а потом исчезла. Ее уже четыреста лет ищут и все бесполезно. Вот и страница из старой книги, наверно, про эти поиски.

— Подумаешь! — сказал Боря. — Нам-то какое дело до библиотеки Ивана Грозного, если ее в Москве потеряли?

— В том-то и дело, что не обязательно в Москве. Анатолий Иванович недавно статью прочитал, в которой новая гипотеза выдвинута. Одно время царь за границу собирался, всю свою казну погрузил и отправил в Вологду. А библиотека тогда тоже входила в царскую казну. Так что, пожалуй, старая книга неспроста попала на Лисий угор...

— Точно! — обрадовался Кипелов. — Наверно, еще до революции кто-нибудь библиотеку в наших местах разыскивал!

— Не может быть! — заявил Боря.

— А что, если... — задумчиво вымолвил Валя, и в шалаше заговорили шепотом.

*

* * *

Что ж, дружок, пора нам отойти от сказочного шалаша. Поправь-ка свои очки. Спрашиваешь, почему отойти? Ну, во-первых, нехорошо подслушивать. А во-вторых, если мы с тобой здесь останемся, опять в какую-нибудь историю попадем. Такой уж он, сказочный шалаш: все ребячьи приключения в нем начинаются...

СОДЕРЖАНИЕ

Одноухий заяц	5
Сказочный шалаш	79

Елесин Василий Дмитриевич
ОДНОУХИЙ ЗАЯЦ

Для младшего школьного возраста

Редактор В. А. Беднов
Оформление В. В. Кошелева
Художественный редактор В. С. Вежливцев
Технический редактор Н. Б. Буйновская
Корректор В. А. Фокина

Сдано в наб. 18.XII.1979 г. Подписано к печати 16.1.1980 г.
Формат 70×108/32 (бум. тип. № 1). Физ. печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 6,3.
Уч.-изд. л. 6,075. Тир. 15000. Заказ № 8446. Цена 35 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
г. Архангельск, пр. П. Виноградова, 61.
Областная типография, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

35 коп.